

Феликс, Нэт и Ника

И ТЕОРЕТИЧЕСКИ ВОЗМОЖНАЯ
КАТАСТРОФА

Самая
популярная
янг-эдалт
серия
в Польше

Рафал Косик

Улётные истории

Рафал Косик

**Феликс, Нэт и Ника
и теоретически
возможная катастрофа**

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Косик Р.

Феликс, Нэт и Ника и теоретически возможная катастрофа /
Р. Косик — «Издательство АСТ», 2005 — (Улётные истории)

ISBN 978-5-17-111939-3

Феликс, Нэт и Ника едва отошли от схватки с Бандой невидимок, но спокойная жизнь им только снится. Они находят секретные немецкие базы времен Второй мировой войны и загадочные порталы, которые прятали там фашисты. Куда они ведут? И почему, когда дети прошли через один из них, мир вокруг стал таким... устаревшим? Феликсу, Нэту и Нике предстоит побывать в прошлом и будущем, убежать от спецагентов, разрядить бомбу, исследовать четвертое измерение, одолеть элитный отряд фашистов и спасти мир от грозящей катастрофы. Помогать им будет искусственный интеллект Манфред в виде целого роя летающих минироботов. Смогут ли они справиться со всем и вернуться домой живыми? Можно ли изменить прошлое? И если да, то какой ценой?

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-111939-3

© Косик Р., 2005

© Издательство АСТ, 2005

Содержание

1. Утро триффида	6
2. Еще большие проблемы	24
3. Ночная вылазка	35
4. Презентация	47
5. Неожиданная новость	56
6. Первый контакт	64
7. Вечеринка	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Рафал Косик
Феликс, Нэт и Ника
и теоретически возможная катастрофа

Rafał Kosik

FELIX, NET I NIKA ORAZ TEORETYCZNIIE MOŻLIWA KATASTROF

Публикуется с разрешения автора, издательства Powergraph и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского Елены Шевченко и Ирины Шевченко

Серийное оформление: Юлия Межова

Иллюстрация на обложке: Алиса Перкмини

Серия «Улётные истории»

Copyright © 2005 by Rafał Kosik

Copyright © 2005 by Powergraph

© Алиса Перкмини, иллюстрации, 2019

© Елена Шевченко, Ирина Шевченко, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Туве Янссон

за частичку магии в моей жизни

1. Утро триффиды

– Я должна бежать, – грустно сказала мама и поправила светлые волосы Феликса. – У меня важная встреча, на работе не справятся без меня. Будь вежливым и слушай учительницу.

Она поцеловала сына в лоб, села в свой красный «Альфа Ромео»¹ и быстро уехала. По мнению Феликса, мама ездила слишком быстро. Еще он подумал, что однажды мама отвезет его на занятия в университет, поцелует в лоб и, как обычно, скажет: «Будь вежливым и слушайся учительницу». Неужели она не видит, что он взрослеет?

Была середина апреля. Прошло две недели после уничтожения Мортена и его Банды невидимок.² Обнаружение тринадцатой тетради профессора Кушминского осталось для всех тайной. Ее передали в руки ученых из Института Чрезвычайных Исследований, которые занялись анализом содержащихся там формул и чертежей, созданных выдающимся изобретателем.

Теперь им следовало вернуться к обычной жизни, но с этим у Феликса и его друзей имелись определенные трудности. Нелегко позабыть драматические события, разыгравшиеся на последнем этаже небоскреба *Silver Tower*. Можно только попытаться вести себя как обычные тринадцатилетние подростки.

¹ Из-за любви автора к автомобилям и врождённого упрямства, в этой книге названия марок машин будут написаны с большой буквы.

² Описываются события первой книги.

Феликс был худым светловолосым мальчиком с карими глазами. Сегодня на нем были брюки со множеством карманов и толстовка на молнии. Он подошел к старому зданию школы. Был понедельник, довольно рано, и до уроков оставалось больше двадцати минут. Мальчик вздохнул и поднялся по широким ступеням к большим дверям Гимназии имени профессора Стефана Кушминского. Он зашел в школу одним из первых и сразу же наткнулся на обеспокоенного директора. Магистр-инженер Юлиуш Ромашка стоял посреди холла в бордовом костюме, обтягивающем его большой живот. Костюм дополняли жилетка, голубая рубашка и красная «бабочка». Директор всегда был весьма элегантным, хотя элегантность в его исполнении встречала разную реакцию у окружающих. Он наблюдал, как двое работников разбирали возле будки консьержа конструкцию, сложенную из кресел, картонных ящиков и даже внутренней створки двери.

У ночного сторожа Сильвестра в последние месяцы было много неприятностей, связанных с необычными происшествиями в школе. Сначала это были духи, потом бродившие по коридорам механические фрагменты роботов. Два раза Сильвестр чуть не потерял работу, потому что никто не верил, что ему это не привиделось. Скорее всего, баррикада тоже была делом его рук, и это опять предвещало проблемы. Что случилось на этот раз? Феликс решил спросить об этом Виктора – самого проинформированного в школе.

В воздухе витал аромат полироли для полов. Видно, Пумперникель, школьная уборщица, натерла в выходные все коридоры. Полы блестели словно зеркало, а это означало, что несколько дней нужно быть внимательным, чтобы не упасть на деревянном катке.

В конце коридора появилась знакомая фигура – девочка с рыжими локонами. Ника, в своих любимых черных мартенсах, которые блестели сильнее, чем натертые полы, издаликала помахала Феликсу. Вся одежда Ники, кроме мартенсов, была, скорее всего, из секонд-хенда, но девочка носила свои юбки и джинсовые курточки с таким шармом, что даже старшие ученики часто на нее оглядывались.

– Привет! – улыбнулась она Феликсу. Ее зеленые глаза весело блестели. – Я еду с другого конца города, поэтому иногда приезжаю так рано, а ты чего?

– Мама захотела подвезти меня, – пояснил он. – У нее редко бывает на это время, поэтому я подумал, что ей будет приятно. А Нэт сам доберется на школьном автобусе. Видела баррикаду?

– Я не удивлюсь, – грустно кивнула Ника, когда они поднимались на второй этаж, – если сейчас Сильвестр все-таки вылетит с работы.

– В этот раз ему действительно что-то привиделось, – усмехнулся Феликс. – Думаю, мы исчерпали лимит странных происшествий.

В тот же миг послышался крик и стук женских каблуков. Ребята замерли посреди коридора.

– Или не исчерпали... – вздохнула девочка.

Из-за поворота выбежала Линейка, их математичка. Наклонившись, словно спринтер на изгибе беговой дорожки, едва справляясь со своим большим весом и слегка пробуксовывая на полированном полу, она каким-то чудом все-таки не упала, но ее каблуки не выдержали перегрузки. Сначала один, потом второй, они сломались и отлетели в стороны. Линейка этого даже не заметила. С безумным блеском в глазах, махая руками и тяжело дыша, она промчалась мимо остолбеневших Феликса и Ники. Порыв ветра пошевелил их волосы, когда математичка достигла лестницы.

– Что снова стряслось? – тихо спросил Феликс.

– Бедная женщина, – прошептала Ника. – Наверное, у Бутлера снова убежал тарантул.

Тут до нее дошел смысл сказанных слов. Девочка побледнела – она и сама боялась пауков. Профессор Бутлер, их учитель биологии, держал в своем кабинете отвратительные образцы растений и животных и организмов, про которые трудно было сказать, что они такое. На допол-

нительных занятиях по прогрессивной ботанике ребята были свидетелями экспериментов с парой действительно странных образцов.

Со стороны, откуда выбежала математичка, доносились непонятные звуки, словно кто-то бил по полу попеременно кружкой и резиновым ковриком. Стук, ляп, стук, ляп...

Через секунду звуки стихли. Феликс и Ника с напряжением вглядывались в поворот коридора. Из-за угла, на высоте человеческой головы, высунулось что-то красное, похожее на бутон большого цветка. Дети с изумлением рассматривали его, ожидая разоблачения автора шутки. Удивление перешло в тревогу, когда появилось остальное: толстый, в несколько сантиметров, изогнутый стебель, большие мясистые листья и непропорционально маленький горшок, из которого во все стороны вылезали корни. Ничто не указывало на то, что кто-то двигает это чудо. Оно делало все само.

С первого этажа донесся еще один вскрик Линейки и звуки, означающие, что она не вписалась в очередной поворот и налетела на работников, разбирающих баррикаду. Головка цветка повернулась в сторону шума. Раздалось бормотание, и два нижних листка зашевелились. Они коснулись пола и... приподняли растение так, что горшок оторвался от земли. Стебель согнулся еще сильнее, толкая горшок вперед. Глиняная посуда стукнулась об пол.

– Не двигайся! – просипел Феликс и схватил Нику за руку. – Оно реагирует на движение.

Сдерживая дыхание, ребята стояли как вкопанные, а растение сделало еще несколько «шагов». Стук, ляп, стук, ляп...

За их спиной, из туалета возле лестницы, раздался шум сливаемой воды. Растение оставалось в нескольких шагах от детей. Феликс уголком глаза заметил, как кто-то вышел из туалета и спустился по ступенькам. Растение выпрямилось и поскакало вперед двухметровыми прыжками, отталкиваясь горшком и листьями. Стук, ляп, стук, ляп, стук, ляп... Оно пронеслось в метре от замерших детей и двинулось в сторону лестницы. Внезапно растение притормозило и повернуло «голову». Оно прислушивалось к шуму воды, наполняющей сливной бачок. Обернулось туда, где исчезла потенциальная жертва, потом снова «присмотрелось» к открытой двери и наконец приняло решение. Растение «вошло» в туалет.

Феликс вытянул из кармана перочинный ножик, открыл лезвие и на цыпочках двинулся в сторону лестницы. Ника, держа его за толстовку, следовала за ним.

– Оно увидит нас! – едва слышно зашептала девочка, но не отставала ни на шаг.

Однако Феликс не повернул в сторону лестницы, как она ожидала, а медленно подкрался к двери туалета. Ника выгнулась и тоже заглянула внутрь.

– Фууу! – скривилась девочка. – Оно пьет воду из унитаза!

«Голова» растения внезапно вынырнула и повернулась в их сторону. С лепестков цветка капала вода. Дети замерли, а растение двинулось к ним, открывая пасть, полную острых зубов. Стук, ляп, стук, ляп! Феликс быстро толкнул дверь. Она с грохотом захлопнулась, и в это самое мгновение что-то ударило в нее изнутри.

– Пора уносить ноги, – пробормотал Феликс.

Ника заморгала и с воодушевлением закивала. Что-то снова ударило в двери, и штукатурка посыпалась на пол. Ребята попятились к лестнице.

– Оно же недостаточно умное, чтобы нажать на ручку, да? – с надеждой в голосе спросила Ника.

Словно в ответ на ее слова, ручка дрогнула и стала опускаться. Феликс схватил ее и потянул вверх. Он уперся в пол изо всех сил и стиснул зубы. Ручка продолжала медленно опускаться. Ника налегла на дверь спиной.

– А пять минут назад я думала, что уже ничего не случится, – простонала она.

Дверная ручка опустилась, и дверь начала миллиметр за миллиметром открываться. Ноги детей медленно заскользили по полированному полу.

– Нужна помощь, – охнул Феликс, отпустил ручку и сильнее надавил на дверь. Между створкой и косяком протиснулись два листа и попытались расширить щель.

Феликс кинул взгляд в сторону лестницы. От нее их отделяло пять метров.

– На счет три – бежим, – сказал он. – Надеюсь, оно свалится со ступенек. – Ника кивнула. – Тогда внимание... раз... два...

– Феликс и Ника! Без Нэта?

При звуке этого голоса листья внезапно исчезли, и дверь захлопнулась. В туалете стало абсолютно тихо. Профессор Бутлер в своем когда-то белом халате неторопливо двигался в их сторону. Редкие жирные седые волосы на его голове уныло покачивались.

– От меня сбежал один экземпляр, – усмехнулся профессор, словно речь шла о редком виде канарейки. – Нужно его отыскать до того, как тут появятся ученики. Еще испугается кто-нибудь... Вы не видели мою тигровую мухоловку?

– Тигровую мухоловку?! – в один голос переспросили ребята, все еще удерживая двери.

– Не помните? *Drosera superior*. Такое маленькое очаровательное растение, которое охотится на мух.

– Маленькое? – простонала Ника.

– На мух? – сглотнул слюну Феликс.

– Возможно, оно решило поохотиться. Так сказать, вырвалось из-под колпака, ха-ха, – профессор засунул палец в ухо и минуту ковырял в нем. – Не думал, что это путешествующий вид.

– Не знаю, чем вы его кормили, – медленно произнес Феликс, – но маленьким его назвать нельзя.

– Все выходные оно ничего не ело, – признался Бутлер, разглядывая извлеченный из уха палец. – Наверное, оно немного... проголодалось.

Дети переглянулись и сильнее надавили на двери.

– У мухоловки, вероятно, были очень насыщенные выходные, – предположил Феликс. – Спорим, в подвале больше нет крыс.

– А на крыше голубей, – добавила Ника.

– Остается только надеяться, что Сильвестр еще жив.

– О чем вы говорите? – прищурил глаза профессор.

Он внимательно посмотрел на детей, потом перевел взгляд на дверь, в которую они упирались, и выражение крайнего беспокойства появилось на его лице.

– Оно там? – спросил он.

Ребята быстро кивнули.

– Кто-нибудь его видел?

– Линейка, – Ника быстро поправилась, – то есть госпожа Бонк.

– Она сильно выросла? – Бутлер беспокойно оглянулся. – Естественно, я спрашиваю про *drosere*, а не про... госпожу Бонк.

– Немного... – скривилась Ника.

– Насколько «немного»? – Профессор почти угрожающе склонился над девочкой. – На пять сантиметров? – Ника покачала головой. – На десять? Может, лучше в процентах?

Ника принялась высчитывать, поглядывая на Феликса.

– Я б сказал, что... э-э-э... на какую-то тысячу процентов, – пришел ей на помощь Феликс и отодвинулся от двери.

– Нет... Это означало бы, что сейчас оно в десять раз больше. Наверное, ты плохо посчитал, – Бутлер неожиданно побледнел, хотя при его бледной коже это вряд ли было возможно. – О боже, оно наелось суперудобрения...

Профессор кинулся к дверной ручке, но Ника покачала головой и еще сильнее налегла спиной на дверь.

– Оно больше нас, – произнесла она.
– Несмотря ни на что, я хочу ее увидеть...

Девочка расправила плечи:

– Это кровожадное чудовище! Я не выпущу ее.

Снизу доносились шум и громкие голоса. Профессор обернулся на звук и быстро спросил:

– А если оно прогрызет дерево?

Ника отскочила от двери, Бутлер быстро открыл ее и скрылся внутри. Друзья отступили, глядя на медленно закрывающуюся дверь. Мгновение было тихо.

– Немедленно вылезай! – раздался решительный голос профессора.

Скрипнула дверца кабинки. Стук, ляп, стук, ляп. Бутлер от удивления громко втянул воздух и так же громко его выдохнул.

– И что ты себе думаешь? – спросил он с удивительным, учитывая обстоятельства, спокойствием. – Хочешь закончить как компост? Не стыдно...

Друзья, преодолевая страх, приблизились к двери, и Феликс осторожно приоткрыл ее. Растение стояло посреди туалета в луже воды, смешанной с землей, и выглядело как кучка несчастья. Оно сгорбилось, листья обвисли, а головка печально опустилась.

– Что мне с тобой делать? – Профессор по-отечески погладил мухоловку.

Растение слабо шевельнуло стеблем. Было видно, что оно искренне раскаивается.

– Добралась до суперудобрения, – скорее утверждал, чем спрашивал профессор.

Растение согласилось, слегка кивнув головкой, что означало: «Его было легко достать...»

– Что вы делаете?

Феликс и Ника подпрыгнули и едва не вскрикнули, почувствовав чьи-то ладони на своих плечах. Они резко обернулись – за ними стоял Нэт. Он весело улыбался, и это означало, что он еще не заглянул в туалет. На нем была бордовая толстовка с капюшоном и зеленые мешковатые брюки. Темно-русые волосы традиционно выглядели так, словно по дороге в школу Нэт встретился с торнадо.

– Зачем Сильвестр сделал баррикаду внизу? – поинтересовался Нет и поправил очки на носу. Он никак не мог понять причину испуга на лицах друзей. – Что он такого мог увидеть? Почему вы молчите?

Ника ногой прикрыла дверь в туалет.

– Иди и сам увидишь, – донесся снизу возбужденный голос математички.

– Линейка снова чего-то испугалась, – Нэт указал за спину большим пальцем. – А у вас чего такие мины?

Спиной вперед ребята втолкнули его в туалет и закрыли за собой дверь. Растение посмотрело в их сторону. Слово «посмотрело» не совсем подходило, потому что глаз у него не было. Однако оно как-то «видело».

– Что вы делаете? – Нэт забеспокоился.

А за его спиной растение распрямилось в полный рост. Профессор с интересом ждал.

– Спорим на десятку? – предложил Феликс. – Десятка, что ты завизжишь в течение ближайшей минуты.

– Что?! – Нэт насмешливо махнул рукой. – Мортена победили, Банды невидимок не существует. Чего еще мне бояться после встречи с трансформирующимися модульными роботами?

– Спорим?

– Спорим! – Нэт принял пари. – И почему, ты думаешь, я буду визжать?

– Помнишь старый английский фильм «День триффидов»? – Феликс включил секундомер в часах. – Была еще такая книжка.

– Фильм помню... – нахмурился Нэт. – О таких больших растениях-людоедах.

– А помнишь тигровую мухоловку? – осторожно спросила Ника.

– Такой маленький цветочек под колпаком, который ловил мух в кабинете этого старого Плюгавца.

Ника закусила губу и посмотрела в потолок.

– Похоже, ты не хочешь хорошо сдать экзамен по ботанике, – буркнула она.

Нэт задумался, начиная что-то подозревать. Он развернулся и увидел Бутлера, пропустившего мимо ушей нелестное замечание в свой адрес. Мальчик все же хотел извиниться, но тут заметил возле учителя растение. Он широко открыл глаза и пискливо вскрикнул. Феликс выключил секундомер и поспешно закрыл Нету рот рукой.

– Тридцать две секунды, – сказал он. – Ты мне проиграл десятку. А сейчас замолчи, потому что сюда сбежится вся школа. Успокоился?

Нэт кивнул, и Феликс отпустил его. Мухоловка, раздавленная критикой своего творца, уже не выглядела так грозно.

– Так это от нее была баррикада... – прошептал Нет, пялясь, как загипнотизированный, на гигантское растение. – Сильвестр ее увидел и снова устроил переполох... Что она сожрала?

За дверьми послышались шаги двух пар ног.

– Я слышала крик... Этот монстр на кого-то напал!

– Цецилия... прошу тебя...

В туалете все замерли в ожидании, но шаги и голоса стали удаляться.

– Профессор, у нас десять минут, чтобы как-то ее отсюда забрать, – Феликс посмотрел на часы. – Потом этот сорти... этот туалет превращается в курилку.

– Линейка и Ромашка повернули в класс биологии, – Ника подглядывала через щель в приоткрытой двери. – Это за углом. Мы не сможем отсюда выйти.

Бутлер вздохнул и пристально посмотрел на растение:

– Сейчас я задам тебе один очень важный вопрос, – он наклонился, и мухоловка сжалась так, что ростом стала ниже него. – И жду искреннего ответа. Ты съела Сильвестра?

Растение внезапно бурно запротестовало, закачало «головой» и замахало верхними листочками. Профессор с облегчением вздохнул. Зато Нэт выглядел так, словно случайно попал на экскурсию в лечебницу для душевнобольных.

– Профессор, – напомнил Феликс. – Пора отсюда выбираться.

– Да, неплохая мысль... – согласился Бутлер.

– Но нас же все равно кто-нибудь увидит, – запротестовала Ника.

– Завернем ее в халат профессора, – предложил Феликс.

Бутлер снял халат и надел на «хребет» мухоловки. Потом присмотрелся, наморщил нос и подвигал ушами, из-за чего его очки на пару миллиметров поднялись вверх.

– Выглядит как инопланетянин в халате, – оценила Ника. – Ну и ладно.

Нэт все так же глазел на растение, как загипнотизированный.

– Проверь, какой кабинет свободный на первом уроке, – толкнул его Феликс.

Нэт очнулся, потянулся к рюкзаку и открыл молнию с брелоком, сделанным из компьютерной карты памяти. Вытащил ноутбук, открыл его и застучал по клавишам.

– Класс сто тринадцать, – сказал он. – Прямо по коридору, вторые двери справа.

– Окей, переждем там, пока не начнутся уроки.

Шаги в коридоре снова приближались. В туалете началась паника. Феликс и Ника кинулись в первую кабинку. Через мгновение Феликс вернулся, схватил Нэта за шиворот и утащил за собой. Профессор нырнул во вторую кабинку. Растение, все еще обернутое в халат, растерянно озиралось. В этот момент дверь открылась, и в туалет зашли трое веселящихся третьекурсников. Они сунули косячки в рот, и один из них прикурил. Ученики выпустили первые облачка дыма и замерли, только сейчас заметив фигуру в белом халате. Вместо головы у нее был красный цветочный бутон.

Сигареты выпали из открытых ртов. Мальчики переглянулись.

– Извините, – заикаясь и низко кланяясь, они выскочили за дверь.

Из коридора донеслись звуки.

– Я говорил?! Говорил?! Галлюцинация! Все мозги выжгло! Выбрось это! Брось все в мусор!

Друзья и Бутлер вышли из кабинок. Феликс поморщился и затоптал все еще дымящийся окурок.

– Выжгло-выжгло... – пробурчал под нос профессор. Он снял халат с растения и надел на себя.

– Я проверю... – Феликс выглянул в коридор. – Дорога свободна.

Они выбежали из туалета, озираясь вокруг. Стук, ляп, стук, ляп. Внезапно они остановились – внизу лестницы появились две девочки со второго курса. Болтая, они прошли мимо замершей мухоловки и ничего не заметили, направляясь к следующему лестничному пролету. Растение проводило их голодным взглядом и жадно облизнулось. Друзья двинулись дальше. Стук, ляп, стук, ляп. Согнувшись, они проскользнули по коридору, как партизанский отряд. До дверей класса оставалось еще метров десять, когда внезапно, как из-под земли, появился историк, профессор Цедыня. Он прищурил глаза за толстыми стеклами очков и внимательно присмотрелся к тигровой мухоловке.

– Не слишком рано для елки? – обратился он к Бутлеру. – Только недавно была Пасха. Сегодня какое?

Бутлер посмотрел так, словно хотел задушить его взглядом.

– Двадцать третье декабря, – гробовым голосом ответил он.

Цедыня наморщил брови, покачал головой, что-то подсчитывая в уме, и задумчиво прошел мимо партизанского отряда. Стук, ляп, стук, ляп. Ника первая оказалась у двери класса сто тринадцать и схватилась за ручку.

– Закрывается! – застонала она.

– Оно выглядело как большая триффиды, – из-за угла раздался беспокойный голос Линейки.

Феликс порылся в своем рюкзаке и вытащил что-то серебряное величиной с толстый карандаш – универсальный ключ. Мальчик вставил конец ключа в замок и активировал. Механизм зажужжал и защелкал, высовывая разного вида лезвия. Он подбирал подходящую комбинацию.

– И было похоже на голодную гориллу, – голос математички звучал все четче и ближе. – Словно оно опиралось на руки и волочило ноги... то есть горшок...

– Можешь побыстрее? – прошипел Нэт.

Мухоловка подпрыгивала на месте от нетерпения, стучая горшком об пол. Она смотрела то на ключ, то на поворот коридора.

– Оно кинулось на меня, Юлиуш! – Математичка с директором были уже в нескольких шагах. – Ты мне веришь?

Наконец замок поддался и все влетели в класс. Феликс захлопнул дверь и закрыл замок. Нэт с облегчением перевел дыхание и, обернувшись, столкнулся лицом к лицу с мухоловкой. Он отскочил как ошпаренный.

– Тсс... – Ника прижала палец к губам.

Шаги раздавались совсем близко.

– Я спрашиваю, ты мне веришь, Юлиуш?

– Ну знаешь... в принципе...

– Смотри! Следы земли! Это там...

Голоса приблизились. Ручка двери медленно опустилась, дверь дрогнула. Мухоловка посмотрела вниз и подняла корешки так, словно это были пальцы на ногах в сандалиях. Из горшка высыпалось немного земли. Ее было хорошо видно на чистейшем натертом полу.

– Закрыто, – произнес Ромашка. – Если это так важно для тебя, я пойду за ключом.

– Подожди! Я ни за что не останусь тут одна!

Бррр, бррр, бррр...

– У кого бурчит в животе? – недовольно прошептал Нэт, озираясь. Он посмотрел на растение и шагнул назад, машинально вскидывая руку, защищаясь: – Боже! Она смотрит на меня и пускает слюни!

– У нее тигринный аппетит, – охотно пояснил Бутлер. – Она съела суперудобрение и растет.

– Она будет еще больше?!

– Мы не можем тут оставаться, – простонала Ника.

Мухоловка закачала головкой.

– Но в коридоре много людей, – заметила девочка. – Бегающее растение – это ненормально.

– Классический тупик, – Нэт с беспокойством прислушивался, как мухоловка каждую секунду сглатывает слюну.

Феликс хлопнул себя по лбу:

– Это же комнатное растение в горшке. Мы можем его просто перенести, и никого это не удивит.

– Спрячь голову в листья, – посоветовал Бутлер.

Мухоловка согласилась и послушно сжалась, притворяясь зеленым листовым шаром.

Феликс схватился за край горшка и в ожидании помощи посмотрел на Нэта.

– У нее бурчит в стебле, – мрачно констатировал Нэт. – Я должен подойти к голодному людоеду?

– Она ничего тебе не сделает, – неуверенно заверила его Ника.

– Эти корешки шевелятся...

Нэт вздрогнул, но взялся за горшок с другой стороны и поднял его вместе с Феликсом. Его перекосило, когда мухоловка оперлась на их плечи верхними листочками.

Не вызывая всеобщего интереса, они благополучно донесли растение до класса биологии и поставили под окном в подсобке. Мухоловка сразу же выпрямилась.

Стены в подсобке, как и в классе, были заставлены стеллажами с клетками, освещенными галогеном террариумами, банками с таинственным содержимым, шкафами и шкафчиками, закрытыми на ключ. В углу стоял старый сейф с тремя кодовыми замками. Деревянные жалюзи закрывали окна до половины – яркий свет в этом помещении был нежелателен.

Бутлер обошел осколки разбитого колпака, который раньше накрывал мухоловку, и приблизился к длинному рабочему столу, заставленному микроскопами и прочим лабораторным оборудованием. Профессор поднял перевернутую пустую коробку с остатками голубого порошка и грозно обернулся к растению. Оно увлеченно рассматривало потолок, прикидываясь, будто не замечает того, что держит в руках профессор.

– Это суперудобрение, – пояснил Бутлер, переводя взгляд на учеников. – Нужна только щепотка на лейку воды. Щепотка! А она сожрала дневную норму для гектара леса!

– Для чего кому-то такое удобрение? – удивился Нэт.

– Благодаря суперудобрению стало бы возможным быстрое восстановление лесов на больших территориях. Хватило бы семечка, суперудобрения, воды и немного органических ингредиентов. И через месяц в пустыне зашумел бы лес. Это мое изобретение, которым я занимаюсь в свободное время.

– Они возвращаются! – вдруг воскликнула Ника. – Директор и э-э-э... Бонк. Они ничего не нашли в классе сто тринадцать и идут сюда.

Бутлер ткнул пальцем в мухоловку и велел категорическим тоном:

– Притворись растением.

Прозвенел звонок.

– Что у нас первым уроком? – спросил Нэт и смиренно ответил сам себе: – Информатика с Эфтипи.

– О, вы. – Ромашка уже стоял на пороге.

Профессор Бутлер и тройка приятелей замерли, неестественно выпрямившись, с невинными лицами опираясь на рабочий стол, как дети, пойманные на кухне за поеданием сладостей. Мухоловка не шевелилась, впервые полностью заслуживая название растения.

– Нужно поговорить, – сказал директор, решительно зашел в подсобку и оказался прямо под растением.

Бррр, бррр, бррр, бррррр...

– Что это? – Он резко обернулся.

Из пасти смирно стоящей мухоловки потекла струйка слюны и коснулась рукава безукоризненно чистого бордового пиджака.

– Я не завтракал, – быстро соврал Нэт.

– Да, ты как-то плохо выглядишь... Мои дорогие, пора в класс.

Друзья послушно вышли из подсобки, но задержались у двери и все слышали.

Директор вышагивал по комнате, заложив руки за спину. Мухоловка быстрым движением листьев перехватила нитку слюны, прицепившуюся к его рукаву, и снова замерла, внимательно наблюдая за гостем и пытаясь побороть голод.

– Нам нужно поговорить про то, что тут происходит... – начал Ромашка. – В прошлом месяце тарантул, сейчас какой-то зеленый монстр... Чем ты тут, собственно, занимаешься, Зенон?

– Учю детей. – Бутлер снял очки и протер их полкой халата. Это ничуть не сделало стекла чище.

– Ты не выполняешь программу, про это я еще буду говорить на педсовете. – Директор пробежался взглядом по выставленным экземплярам, и его передернуло. – Родители некоторых девочек жалуются на разные мерзости и ужасы, которые ты тут держишь. Что будет, если что-то из твоих... диковинок выйдет и нападет на какого-нибудь ученика?

– Все отлично защищено и не представляет угрозы.

Плям, плям, плям...

– А сейчас что это было?! – Директор нервно обвел взглядом террариумы и банки с образцами.

– Обогреватель! – уверенно ответил Бутлер. – Завоздушился.

– А-а-а... Каждый раз, когда я сюда захожу, ощущаю странное беспокойство... Но вернемся к цели моего визита. Я разговаривал с Сильвестром. Знаешь, что он рассказал? Что видел ночью что-то зеленое, оно бегало по коридору и охотилось на крыс в подвале. А, кх... – откашлялся Ромашка, – угадай, что видела Цецилия? Тоже что-то зеленое, что бегало по коридору.

– Массовый психоз, – совершенно серьезно предположил Бутлер. – Цецилия услышала это от Сильвестра и поверила. Такое бывает.

– Тогда что же она видела?

– Ученика в зеленой кофте. Остальное дорисовало ее воображение.

Ромашка заморгал и задумчиво уставился на жалюзи, потом подошел к окну. Мухоловка боролась с голодом изо всех сил, но все же не выдержала. Она открыла пасть, огромную, как у

тигра, полную острых зубов, и склонилась, целясь на лысину директора. Бутлер кинулся к ней, схватил за шею, то есть за верхний участок стебля, и прижал к стене.

Директор испуганно отшатнулся.

– Чуть не упала, – быстро объяснил биолог. – Слишком маленький горшок, поэтому неустойчивая. Лучше привязать ее к трубе.

Мухоловка послала ему убийственный «взгляд», но Бутлер крепко привязал стебель лентой к трубе отопления.

– Так лучше, – потер он руки. – А то бы ты подумал, что она хочет на тебя наброситься. Хи-хи, – рассмеялся профессор.

Директор вторил ему, но без энтузиазма. Ромашка ослабил бабочку, подозрительно зыркнул на вытянувшуюся по стойке «смирно» мухоловку и попятился к двери.

– Ну... тогда, – медленно произнес он, отыскивая в себе видимость уверенности, – избавься от змей, ядовитых пауков и им подобных. Их вполне можно показывать ученикам на картинках.

И с явным облегчением директор покинул класс биологии.

– Обогреватель? – пробурчал он. – Но отопительный сезон закончен...

Феликс, Нэт и Ника быстро отвернулись, притворяясь, что вдруг заинтересовались видом из окна. Когда директор скрылся за углом, они поспешили в сторону кабинета информатики.

– Ромашка хочет избавиться от всех чудовищ Бутлера, – грустно сказала Ника.

– Что-то тебя это не слишком радует, – заметил Феликс.

– Мне Бутлера жалко.

– Но пауки, змеи, скорпионы и все, чего ты боишься, исчезнет.

– Если они будут за стеклом, я смогу это перенести, – махнула она рукой. – Просто сяду подальше и не буду их видеть. А вот профессор этого не переживет.

– Мы должны ему помочь, – решил Феликс. – В принципе, он неплохой чувак. И придумал парочку клевых... экземпляров.

– Если ту мухоловку посадить во дворе, она будет эффективнее ротвейлера, – признал Нэт.

Когда они вошли в класс, все ученики уже были на местах. Эфтипи посмотрел на часы, с упреком оглядел опоздавших и указал на места за компьютерными столами, выстроенными островком. Высокий и худой Эфтипи был мужчиной с большим самолюбием. Первые пятнадцать минут почти каждого урока он тратил на рассказ о собственных заслугах и успехах в те времена, когда еще не преподавал в школе. Когда-то он работал в нескольких больших компаниях, где обеспечивал безопасность данных. Эфтипи никогда не говорил, почему там уже не работает. На уроках информатики больше всех страдал Нэт, который знал о компьютерах больше, чем многие опытные программисты. Но он вынужден был это скрывать, чтобы не раскрылись некоторые его подозрительные делишки.

– Что тут было? – спросил Феликс шепотом сидящего рядом Люциана, самого высокого парня в классе.

– Как всегда, нудно, – лениво ответил тот. – В этой школе никогда ничего интересного не происходит.

* * *

На перемене половина школы спустилась на первый этаж в буфет. Из-за отсутствия автомата с батончиками очередь выросла в два раза длиннее, чем обычно. Феликс, Нэт и Ника добрались до буфета, когда шансов что-либо купить до звонка у них уже не осталось. В самом начале очереди стояли Целина и Клеменс, несмело держась за руки. Клеменс был самым тол-

стым мальчиком в классе. С Целиной, тоже не худышкой, его связывали взаимная симпатия и склонность к сладкому в любой форме.

– Пошли отсюда, попробуем на следующей перемене, – недовольно буркнул Нэт.

Они поднялись на второй этаж. Около мужского туалета стоял Четверг и внимательно слушал Пумперникель. Она что-то бурно объясняла ему, указывая тряпкой на дверь туалета.

– Словно стадо свиней, – донеслось до друзей. – Прошел только один урок, а пол уже обгаженный.

– Наверное, «загаженный», – проворчал учитель.

Четверг преподавал физику. Легкое брюшко, очки и седые волосы придавали ему располагающий вид. Его любили ученики за интересные уроки и превосходное чувство юмора. Сейчас он выглядел серьезно обеспокоенным, шевелил усами и кивал. Наконец жестом руки он остановил словесный поток, льющийся из уст уборщицы, и зашел в туалет. Через минуту внутри несколько раз вспыхнула вспышка телефонной камеры.

– Это на него не похоже, – заметил Феликс. – Так беспокоиться из-за загаженного пола?

Четверг вышел из туалета, разглядывая фотографию на экране мобильного. В другой руке он держал маленький целлофановый кулечек. Физик окинул детей мимолетным взглядом и спустился на первый этаж.

– Пробы земли на анализ? – подумал вслух Нэт. – Неужели Ромашка организовал расследование?

– Давайте поможем Бутлеру, – предложила Ника. – Его удар хватит, если заставят избавиться от всех его сокровищ.

Следующим уроком была физика как раз с Четвергом. Он опоздал на целых пять минут и выглядел взволнованным, но, когда начал урок, заметно расслабился. Он вытащил из кармана любимый серебряный карандаш, который в случае необходимости телескопически раздвигался, как антенна, и заменял указку.

Парты в классе физики располагались в форме подковы так, чтобы все могли хорошо видеть, что происходит на большом лабораторном столе, который стоял посреди класса.

Учитель движением фокусника сдернул ткань, открывая продолговатый предмет. Им оказался аквариум, но довольно странной формы. Длинной около полутора метров, высотой всего сантиметров тридцать, а шириной едва ли пять. В нем не было рыб, только вода, которая наполняла аквариум до половины.

– Сегодня я расскажу про электромагнитные волны, – начал учитель. – С электромагнитными волнами мы встречаемся каждый день. Вы еще помните, что такое волны?

Он поставил в аквариум длинную палку, чтобы она доставала до дна, и осторожно по ней стукнул. По поверхности воды разошлись мелкие волны. Когда вода успокоилась, учитель толкнул палку медленней, но сильнее. В этот раз волны были короче.

– Расстояние между гребнями называется длиной волны, – пояснил физик, показывая концом указки на аквариум. – Так же можно посчитать, как часто гребни волн следуют друг за другом, – это мы будем называть частотой. Волны могут быть короткими и длинными. Точно так же и с электромагнитными волнами, только они расходятся в пространстве вокруг нас. Они наполняют этот класс, а некоторые из них проникают даже через стену и наши тела.

– Как в «Матрице»... – прошептал Оскар. По классу раздалось несколько смешков.

Физик не собирался никого утихомиривать или ругать.

– Ты прав, – произнес он. – Это хорошее сравнение. Сейчас к этому вернемся.

– Мы их не видим? – ни с того ни с сего спросил Клеменс. Он еще не озирался по классу в поиске волн, но был близок к этому.

– Некоторые из них мы можем видеть, а собственно... все, что мы видим, и есть электромагнитные волны.

– Как в «Матрице»... – повторил Оскар.

– Свет – это ничто иное, как электромагнитные волны определенной частоты, – продолжал Четверг. – Все в этом классе и за окном мы видим благодаря тому, что ваших глаз достигают эти волны.

– Откуда они берутся? – снова встрял Клеменс.

– От солнца или лампочки. Горячие объекты тоже посылают волны. Они отражаются, например, от... Оскара и достигают наших глаз. Благодаря этому мы видим, что Оскар сидит именно там. Видим даже, что сейчас он ковыряется в носу.

В классе раздался смех, а Оскар поспешно спрятал руку под стол и неестественно выпрямился.

– Волны, что колеблются быстрее, воспринимаются нашим глазом как голубые, а те, что колеблются медленнее, то есть с низкой частотой, – как красные. Так мы распознаем цвета. Но, как удачно заметил наш коллега Оскар, с электромагнитными волнами все происходит как в «Матрице». Мы можем видеть только то, что нам позволено увидеть. Мы не видим, например, ветер или стекло, потому что волна проходит через них почти беспрепятственно. Хуже всего то, что мы не видим всех диапазонов волн. – Физик прохаживался вдоль парт, играя своим карандашом-указкой. – Если волны имеют высокую частоту, свет становится фиолетовым, а потом переходит в ультрафиолет. Его мы уже не видим. Ультрафиолетовые волны полезны летом. Когда вы лежите на пляже, они способствуют вашему загару. Если волны сжать еще сильнее, то получим рентгеновские лучи – именно те, которые используют, чтобы сделать снимок сломанной руки.

– А наоборот, – вмешался Клеменс. – Что со слишком красным светом?

– Волны, которые растянуты сильнее, чем красные, называются инфракрасными, – пояснил физик. – Их мы тоже не видим, но можем ощутить...

Он потянулся к шкафчику под столом и достал оттуда утюг. Включил и стал ждать, пока тот нагреется. Потом Четверг ходил вдоль парт и просил учеников протянуть руки. Он проводил утюгом на расстоянии полуметра от них так, чтобы все смогли почувствовать тепло.

– Тепло исходит от разогретого утюга, – продолжил он, – или от солнца. Это и есть инфракрасное излучение. Очень слабое инфракрасное излучение используется в пультах к телевизору. Если электромагнитные волны растянем еще сильнее, то получим микроволны. Очень полезное явление в кухонных микроволновках и мобильных телефонах. Будем растягивать дальше и получим радиоволны.

– Понял! – Оскар ощутил в себе дух исследователя. – Радиоволны и свет – это одно и то же?

– Именно так, – кивнул физик. – Радиоприемник с антенной улавливает электромагнитные волны вокруг себя с конкретной частотой. Пытаясь поймать другие радиостанции, на самом деле вы заставляете радиоприемник искать волны с другой частотой.

– А нет ли каких-нибудь приборов, чтобы увидеть эти... другие частоты? – спросил Нэт.

– Прибор ночного видения позволяет видеть ночью благодаря инфракрасному излучению. Показывает тепло исходящее от разных предметов или существ. Армия очень любит такие игрушки, позволяющие обнаружить противника, который теплее, чем ночное окружение, или, например, горячие двигатели танков. Другим прибором является радар, действие которого, вероятно, вы хорошо знаете. Также есть радиотелескопы, которые обыскивают космический простор на очень больших диапазонах волн. Может, таким образом мы когда-нибудь откроем другую цивилизацию?

Урок, на котором никому не было скучно, прервал звонок. Четверг сложил свою телескопическую указку и сказал:

– На следующем занятии мы обсудим явления, сопровождающие распространение волн.

* * *

Феликс, Нэт и Ника пробрались на чердак школы, соблюдая все необходимые меры предосторожности, чтобы их никто не заметил. Они закрыли за собой двери на ключ и по узким деревянным ступеням поднялись в свою главную штаб-квартиру. Эта штаб-квартира была чем-то вроде тайного укрытия, клубом для посвященных, в котором они могли проводить свободное время и спокойно говорить о чем угодно. Они обустроили ее в начале учебного года в уютном помещении, которое долгое время было всеми забыто. С двух сторон покатая крыша, в которой размещались маленькие полукруглые окошки, опускалась почти до самого пола. С других двух сторон помещение заканчивалось стенами, отделяющими его от спортивного зала и остального чердака. Тут скопилось много рухляди, в основном поломанная мебель. Вдоль двух высоких стен стояли старые шкафы и стеллажи. Посредине помещения располагались три кривых кресла и низкий столик, который опирался с одной стороны на кирпичи, – эту мебель друзья притащили сюда сами. Интерьер дополняли большой треснувший глобус, какие-то архаичные приборы для уроков физики, несколько чучел животных и множество мелочей неизвестного назначения. Через щели между досками перегородки был виден длинный загроможденный чердак.

Друзья уселись в кресла.

– С того времени, как мы в последний раз сидели в этих креслах, многое произошло, – вздохнула Ника. Они не приходили сюда с Пасхи.

– Я думаю, ученые что-то нашли в тринадцатой тетради профессора Кушминского, – сообщил друзьям Феликс. – Вчера поздно вечером моему отцу позвонили из Министерства Специальных Дел. Он собрался за полчаса и уехал на море.

– Почему на море? – удивилась Ника. – Думаю, что в тетради есть расчеты к этому двигателю... анти... как-то там.

– Антигравитационному, – подсказал Феликс. – Несколько десятков ученых работали над ним две недели, читали тетрадь, пытаясь понять формулы и чертежи. Похоже, они что-то выяснили. И это должно быть что-то важное, потому что папа не любит путешествовать ночью. В другой ситуации он подождал бы до утра.

– Узнаешь что-то больше, – глаза Нэта заблестели от любопытства, – расскажешь нам, правда?

Феликс покачал головой:

– У меня так и не получилось ничего вытащить из папы. Он, как одержимый, хранит все в тайне.

– Но, может быть, про что-то не такое уж тайное он расскажет?

– Давайте лучше подумаем, как помочь Бутлеру, – напомнила всем Ника.

– То есть он уже не старый Плюгавец? – язвительно заметил Нэт.

– Может, и старый, но это ничего не меняет. С ним постоянно что-то происходит. И мне его все-таки немного жалко.

– У меня есть гипотеза, – объявил Феликс. – Теоретически Возможная Катастрофа, коротко ТВК. Что бы она случилась, достаточно совершить несколько, на первый взгляд, несущественных ошибок, забыть какую-то мелочь или отложить что-то на потом. Или можно иметь хорошие намерения, но не продумать дело до конца. Тогда эта непредусмотрительность объединяет силы против нас и приводит к чему-то... максимально, мегакатастрофическому.

– Иногда я ставлю стакан с водой на корпус компьютера, – признался Нэт. – Если вода разольется, будет ТВК.

– Что-то вроде того.

– Или если заправлять машину и курить, – подсказала Ника. – Тогда точно наступит ТВК.

– Именно, – согласился Феликс. – ТВК – это катастрофа, которой можно было бы избежать, если продумать все заранее.

– С Бутлером такое происходит довольно часто, – признал Нэт. – Он рассеянный.

– С нами это тоже происходит часто... – добавила Ника.

– Ладно, – прервал их Феликс. – Основной вопрос звучит так: что нужно, чтобы Ромашка изменил свое решение?

– Ну не знаю, Линейка упертая, – скривился Нэт. – Помните ползающего робота, из-за которого она вызвала службу по истреблению насекомых?

– Есть еще родители каких-то девочек, – напомнила Ника.

– Давайте подумаем... – Нэт театрально схватил себя за подбородок и поднял одну бровь. – Можно представить пауков как плюшевых. Такие самоходные интерактивные плюшевые игрушки. Жаль только, что они не мурлыкают, когда их гладишь... Вы любите такие штучки.

Ника закатила глаза.

– Девочек, скорее всего, мы не переубедим, даже если выясним, кто они, – сказал Феликс. – А может быть, еще есть что-то, чего мы вообще не знаем. Начнем с Ромашки. Как его переубедить?

– Я не это имела в виду, – запротестовала Ника. – Нужно успокоить родителей этих девочек и Линейку. Тогда Ромашка не будет трогать Бутлера.

– Мы что, превращаемся в благотворительную организацию? – поинтересовался Нэт.

– Необходим твердый аргумент, – задумался Феликс. – Что-то, что убедит всех... Заработать деньги мы еще успеем, – усмехнулся он.

– Знакомо мне это выражение лица, – Нэт тоже усмехнулся. – Гениальная идея, куча работы и ноль выгоды.

– Материалист... – буркнула Ника.

– У меня это от папы.

– Расскажи нам, что ты задумал? – попросила Ника Феликса.

– Узнаете, – пообещал мальчик. – Но сначала я сам этим займусь. Это личное дело. Кое-кто мне должен – так мне, по крайней мере, кажется...

В этот момент прозвенел звонок на третий урок.

* * *

К школе подъехало такси. Из него вышла тридцатилетняя блондинка с маленьким цифровым диктофоном и бумажным блокнотом в руке. Феликс, ждавший на лестнице уже несколько минут, спустился к ней.

– Феликс Полоний, – представился он.

– Ягода Ясневская, – усмехнулась блондинка и протянула ему руку. – Я помню эту школу, но тебя не помню. Ах да... Кто-то под тебя косил. Речь шла про ту аферу с духами. Грязное дело...

– Спасибо, что вы приехали. И так быстро.

– Сейчас как раз ничего не происходит. – Журналистка пожалала плечами. – Никакого цунами, никакой катастрофы, никакой новой следственной комиссии в Сейме. Террористы тоже ничего не взорвали. Мы не можем выпустить чистую полосу. Из-за нехватки сенсаций репортаж про школу совсем даже неплох. Где этот безумный профессор?

Феликс проводил ее на второй этаж.

– Первая дверь по правой стороне, – показал он, останавливаясь перед поворотом. – Только, пожалуйста, не выдавайте, что это я вам позвонил.

– Ок. Посмотрим, стоило ли приезжать...

Она поправила облегающий жакет и мини-юбку. Когда она подошла к кабинету, профессор как раз вышел из класса, очевидно куда-то торопясь. Внезапно он увидел репортершу. Бутлер остановился.

– Профессор Бутлер? – спросила она, протягивая руку. – Ягода Ясневская, «Сенсационная хроника». Я хотела бы поговорить про вашу работу с молодежью.

Профессор медленно взял ее руку, одновременно распрямляя плечи и втягивая живот.

– С огромным удовольствием, ведь это мой удел, – солидно произнес он изменившимся голосом, галантно поцеловал руку журналистки и пригласил в класс.

Когда она вошла, профессор быстро оглядел коридор, пригладил жирные волосы и вытер ладони о халат. Застегнул верхнюю пуговицу, усмехнулся и зашел в класс. Феликс подглядывал из-за угла. Такого поведения от биолога он не ожидал.

– Как вам удалось вырастить такой прекрасный папоротник? – успел услышать Феликс вопрос журналистки.

– О, моя дорогая, это было нелегко...

Феликс признал, что все начиналось как нельзя лучше, и предоставил дело судьбе.

* * *

Констанция Константинопольская начала урок географии с представления политической ситуации в Венесуэле. Она как раз рассказывала о социальном расслоении в Каракасе, столице этой страны, когда двери в класс распахнулись.

– Извините, Констанция, – вошел директор школы, держа в руке листок бумаги. – Это займет несколько минут... Прошу сейчас всех встать и показать свои подошвы.

– Похоже, Пумперникель разозлилась из-за пола, – прошептал Феликс. – Проверяет, кто его загадил.

– Нам что, носить сменку, как нашим предкам? – возмущенно шепнул Нэт.

Ромашка медленно двигался вдоль парт. Каждый ученик должен был согнуть ногу и показывать ему подошву. Директор сравнивал ее с отпечатком на листке бумаги.

Когда он подошел к Аурелии, она изящно приподняла блестящую розовую шпильку с золотыми застежками.

– Моя милая, – Ромашка покачал головой. – Правилами школы запрещается носить такие высокие каблуки и... – он сглотнул слюну, – такие короткие юбки. Завтра оденься нормально.

– В этой школе существуют какие-то правила? – прошептал Нэт с искренним удивлением.

Аурелия, черноволосая красotka класса, очаровательно улыбнулась, извиняясь, и сверкнула беленькими зубками. Нике, неизвестно почему, вспомнился фильм «Челюсти».

Когда директор подошел к Нике и увидел ее подошву, то наморщил брови. Около Нэта наморщил их еще сильнее, а осмотрев ботинки Феликса, он вздохнул и спрятал листок в карман.

– Феликс, Нэт и Ника, пойдемте со мной, – велел он и через мгновение добавил: – Соберите свои вещи.

Ребята переглянулись, но послушались. Класс проводил их полным молчанием. Из соседнего кабинета вышел Четверг, в руках он тоже держал листок бумаги.

– Можешь не искать больше, – остановил его Ромашка.

Физик с удивлением посмотрел на друзей.

– Ты уверен, Юлиуш? – спросил он.

– Скоро узнаем, – кивнул директор и дал знак ребятам следовать за ним.

Он шагал впереди приятелей, размахивая руками. Ромашка был ниже учеников, но весил как вся троица вместе взятая. Они спустились на первый этаж и добрались до приемной. Хеленка, секретарша директора, послала им недружелюбный взгляд поверх бутылочек с лаком.

Она держала руки с растопыренными пальцами, поднятыми вверх, а запах, наполняющий приемную, свидетельствовал о том, что она только что закончила красить ногти. Директор посмотрел на нее с упреком, сам открыл двери, обитые искусственной кожей, и жестом пригласил учеников в свой кабинет. Они тут были уже несколько раз, но по собственному желанию. Убранство кабинета отдавало дешевым шиком – насколько позволяли скромные финансы школы. Только кожаный диван и два кресла были действительно хороши.

– Феликс Полоний, Нэт Белецкий и Ника Мицкевич... – произнес Ромашка, указывая на диван. Сам он опустился в кресло напротив. – У вашей троицы выдающийся талант попадать в неприятности. В этот раз, однако, вы действительно перестарались.

Его тон выдавал возбуждение, какого друга никогда раньше у директора не видели. Ромашка положил на низкий стол маленький целлофановый пакет. В нем находилось три скомканных окурка.

– Ты знаешь, что правилами запрещается курить в школе? – Он строго посмотрел на Феликса.

– Я не курю, – ответил ошеломленный мальчик.

– Это даже не сигареты! Предпочитаю не знать, что это за зараза.

– Но мы не курили...

– Тогда, может быть, расскажете мне, откуда там взялись ваши следы? – спросил Ромашка, раскладывая на столешнице несколько фотографий. На грязном полу были отпечатки ботинок и три затоптанных окурка. – Отчетливо видно, что вы долгое время крутились посередине туалета. Что можно там делать утром в семь сорок пять? Посмотрите сюда, – директор обличающе указал на одну из фотографий. – Хорошо видно, что это ты затоптал окурки.

Феликс заколебался. Он мог бы рассказать про гигантскую мухоловку, но тогда выдал бы Бутлера. Мальчик не хотел этого делать.

– Эти окурки лежали на полу и дымили. Мы их погасили, – признался он.

– Милый мальчик, я не знаю человека, который по своей воле гасит чужие сигареты.

– Значит, меня отчитывают за то, что я воспитанный? – возмутился Феликс. – Правилами не запрещено затаптывать сигареты! Даже предписывается заботиться о порядке на территории школы!

– Покажи, что у тебя в карманах, – потребовал директор.

Феликс неохотно выложил на стол содержимое всех карманов.

– Ага! – победно воскликнул Ромашка, вытаскивая из вороха мелочей металлическую зажигалку. – Зачем тебе зажигалка, если ты не куришь?

– Мне трудно сейчас сказать, но иногда она может пригодиться...

– Я не вижу ни одного другого объяснения, зачем ученик носит зажигалку в школе!

Из-за дверей, что соединяли кабинет с приемной, раздался приглушенный звонок телефона.

– Там отчетливо видны отпечатки ботинок вашей троицы, – произнес директор, – и большие ботинки на плоской подошве. Это, наверное, дилер. Если расскажете, кто он, возможно, я не буду таким суровым.

Друзья молчали, а телефон продолжал звонить. Хеленка не могла поднять трубку – свежий лак на ногтях еще не высох. Ромашка грозно посмотрел на двери и стиснул кулаки.

– Ты, наверное, давно куришь, – обратился он вдруг к Нэту, который выпрямился, словно его ударило молнией. – Ты слишком худой, и волосы у тебя такие... странные.

Нэт не мог сказать ни слова. Он хотел пожать плечами, но из этого вышло какое-то дерганье.

– Ну вот... – Директор укоризненно покивал головой.

– Извините, но мы ничего плохого не сделали, – отозвался Феликс. – Фотографии доказывают только то, что мы были в туалете. А это не запрещено.

– Да-а-а? А теперь ты, юная леди, – Ромашка указал пальцем на Нику, – объясни мне, что ты делала в мужском туалете.

Ника растерялась. Она открыла было рот, но тут же закрыла. Девочка тоже не хотела рассказывать правду, а ничего другого с ходу не могла придумать. Телефон наконец перестал звонить.

– Эти фотографии доказывают только то, что там были ее ботинки, – хрипло проговорил Нэт внезапно появившимся голосом.

Ника закрыла глаза, чувствуя, что сейчас начнется. Оно началось: Ромашка покраснел и вскочил с кресла.

– Довольно! – рявкнул он, грозя пальцем. От возмущения его голос стал писклявым: – Вы отстранены от занятий. Завтра на большой перемене жду вас вместе с родителями! А сейчас вон из моего кабинета! И из школы!!! А ваши вещи останутся тут... до выяснения обстоятельств!

Ребята сорвались с дивана, выскочили из кабинета, вылетели из школы и остановились на тротуаре.

– Ну он и взбесился. – Нэт спрятал в карманы трясущиеся руки. – Он же не вышвырнет нас? Наши предки платят взносы!

Друзья переглянулись, не зная, что сказать.

– Идемте в «Лишние калории», – предложил Феликс. – Немного придем в себя.

Они перешли улицу, за дверью с маленькими цветными стеклами оказалось уютное помещение. Темные деревянные панели, пастельного цвета обои и маленькие лампы в абажуре придавали интерьеру вид английского клуба. Это было подходящее местечко для того, чтобы успокоиться. Госпожа Бася, хозяйка кафе, улыбнулась им и бросилась готовить горячий шоколад.

– Ну ты, благородный, – Нэт покачал головой, как только они уселись за свой любимый столик в дальнем углу. – Бутлера же не выгоняют. Можно было обо всем рассказать. У него отобрали бы только его чудовищ.

– Как-то... не смог, – признался Феликс. – Ты ведь тоже не рассказал.

– У меня случилось короткое замыкание в мозгу и не получилось ничего выдать.

– Ну а потом, когда уже выдавил... – вздохнула Ника.

Нэт уставился в стол.

– Но чтобы Четверг устроил нам такое... – буркнул он.

– Это не его вина, – возразила Ника. – Он только собирал улики.

– Хоть бы журналистка ни про что не узнала, – проговорил Феликс. – Тогда бы у нее точно была сенсация.

– Меня вот интересует, когда мне вернут компьютер? – пробормотал Нэт.

Госпожа Бася подошла к столу с подносом и поставила перед ними чашки с горячим шоколадом.

– Что за лица, – удивилась она. – Проблемы?

Друзья уныло кивнули. Госпожа Бася была необычайно милой. Длинные светлые волосы доставали почти до пояса и контрастировали с черным свитером и черной юбкой. У Феликса такие волосы всегда ассоциировались с ангельской добротой. Когда он был маленьким, у мамы была именно такая прическа. Потом она постриглась, стала большим начальником, и уже никогда ни на что у нее не было времени.

Бася посмотрела на ребят, ожидая их рассказа.

– Вы все равно не поверите, – отозвалась наконец Ника. – Вчера вечером я бы сама не поверила в такое.

– Так или иначе, дайте знать, если понадобится какая-нибудь помощь, – улыбнулась друзьям Бася и ушла, чтобы принять заказ от нового посетителя.

Вдруг на край столика села черная бабочка. Она медленно взмахивала крыльями и шевелила усиками. Ника вздрогнула.

– Это всего-навсего черная бабочка, – сказал Нэт, – не Дарт Вейдер или всадник без головы.

– Это первая бабочка, которую я увидела этой весной, – грустно пояснила девочка. – Какого цвета крылья первой бабочки, таким будет все лето.

– Скорее всего, ты уже видела других, – поспешил успокоить ее Феликс. – Белых или золотых...

Ника покачала головой:

– Бабочки Бутлера не считаются.

– Да ладно, – протянул Нэт. – Ничего страшного. Придумаем какое-нибудь оправдание нашего присутствия в сортире. Придем с родителями. Я надеюсь, хотя бы они нам поверят...

И только сейчас он понял, что это означает. Понял это и Феликс. Они со страхом посмотрели на Нику. У нее не было родителей, Ника была сиротой. Она скрывала это, чтобы иметь возможность ходить в их школу.

Губы девочки задрожали, она готова была разрыдаться. Ника вытерла слезы, которые потекли по щекам.

– Они исключат меня и отдадут в интернат, – прошептала она. – А ведь так долго все получалось...

2. Еще большие проблемы

Маленький робот, благодаря которому искусственный интеллект Манфред принимал активное участие в жизни семьи, поздоровался с Нэтом на пороге дома. Робот двигался на четырех независимо закрепленных колесах. На этих шасси стоял серебристый корпус, который венчали две камеры и микрофоны. Игрушка была размером с маленькую собачку, но все же давала Манфреду определенную свободу.

– *У тебя грустное выражение лица,* – Манфред посмотрел на мальчика объективами камер.

– Откуда знаешь?

– *Я научился распознавать человеческие эмоции на основании мимики.*

– Это что-то новенькое.

– *Было нелегко,* – признался Манфред, направляясь за Нэтом в его комнату. – *Я наблюдаю за людьми на пешеходных переходах.*

Манфред был компьютерной программой, ИИ, созданной Нэтом и его отцом для управления сигналами светофора в Варшаве. Как компьютерная программа он мог быть во многих местах одновременно, чем постоянно пользовался, помогая Нэту и его друзьям выпутываться из разных ситуаций. В конце концов, следить за светофорами довольно нудное занятие.

– *Должен признаться, это не так уж просто,* – теперь голос Манфреда звучал из динамика компьютера на столе в комнате Нэта. – *Но я уже могу распознать настроение людей, которых хорошо знаю.*

– У нас был неприятный разговор с Ромашкой, – признался Нэт, после чего рассказал ему всю историю. Даже про родителей Ники, потому что Манфред давно обо всем знал.

– *У меня нет опыта в таких делах,* – произнес Манфред, когда мальчик закончил. – *Наверное, я ничего не смогу тебе посоветовать.*

Нэт кивнул и пошел в зал. Папа сидел на диване с ноутбуком тоньше, чем школьная тетрадка. Это был высокий худой мужчина с русыми волосами, в таком же беспорядке, как и у Нэта. С невероятной скоростью он набирал что-то на клавиатуре.

– Папа, – сказал Нэт. – Нужно поговорить.

– Валяй, слушаю.

– Мы с Феликсом и Никой случайно оказались в школьном туалете сразу перед тем, как там нашли три окурка.

– Как они узнали, что это вы?

– Но это не мы! Мы только там были... Они сфотографировали отпечатки ботинок.

Папа на минутку сбавил темп, но потом снова застучал по клавишам с невероятной скоростью.

– Сфотографировали отпечатки ботинок? У вас там школьный отдел ФБР есть? – спросил он с иронией. – А скажи мне, что вы делали в том туалете?

– Папа, ты не поверишь, если я расскажу.

– Позволь мне самому это решать.

– Хочешь услышать всю правду, без прикрас?

– Я предпочитаю столкнуться с голыми фактами.

Нэт развел руками и произнес на одном дыхании:

– Мы помогли учителю биологии совладать с гигантской плотоядной мухоловкой, которая пыталась сожрать нашу математичку.

– А я слышал, как раки на горе свистят, – спокойно произнес папа, не отрываясь от работы. – А теперь, пожалуйста, не такую приукрашенную версию. А лучше расскажи, что случилось на самом деле.

Нэт скукислся:

– Ты предпочитаешь, чтобы я придумал какой-то бред, который звучал бы нормально? Что-то типа: «Я заляпал брюки горчицей и отстирывал их в умывальнике»?

– Я предпочитаю нормально звучащую правду, – папа все же отложил ноутбук и грозно посмотрел на сына. – Ты когда-нибудь видел двадцатилетних ребят, высохших как восьмидесятилетние старики? Когда я был в твоём возрасте, мне тоже случилось выкурить парочку странных штук, но, на счастье, мой отец, твой дедушка, вовремя вправил мне мозги. Это сегодня немодно, но, благодаря такому воспитанию, мы живём сейчас в этом доме, а не лечимся в клинике для наркоманов.

– Папа... мы ничего не курили.

– Тогда откуда галлюцинации про огромное растение?

– О боже! Это не галлюцинации...

Нэт вздохнул и сел рядом с папой. Как объяснить кому-то незнакомому с профессором Бутлером, в чём смысл его экспериментов?

– Сынок... – сказал папа после короткого размышления. – Мы с мамой пытаемся относиться к тебе серьёзно. Тебе не нравится твоё имя, поэтому мы называем тебя Нэтом. Мы согласились не вмешиваться в то, что ты делаешь на своём компьютере. Ты не обязан быть дома до темноты. Мы доверяем тебе, но взамен ожидаем того же самого.

– Папа, я говорю правду. Не лгу.

– Скажи, ты сам бы поверил в эту историю?

– А ты поверил бы, если бы я тебе рассказал, что на меня напала бытовая техника, которая превратилась в огромного робота-убийцу?³

Папа посмотрел на сына и громко вздохнул:

– Ну хорошо, расскажи мне подробно, что было с тем растением...

* * *

На следующий день, после большой перемены, друзья встретились на крыльце перед школой. Ника выглядела полностью сломленной, даже оделась соответственно настроению:

³ Это, как ни странно, правда. История описана в книге «Феликс, Нэт и Ника и Банда невидимок».

к джинсовой куртке надела черную юбку. К тому же распустила свои кудрявые волосы, словно хотела за ними спрятаться. Феликс грустил, зато Нэт выглядел так, как будто завтра должны были начаться каникулы.

– И чего ты такой счастливый? – Феликс понуро посмотрел на него.

– Неделя выходного! Полный релакс. Я уже был в двух игровых клубах. Вы должны пойти со мной. Может, сегодня, после разговора? Или поиграем по интернету в какую-нибудь стрелялку.

– Я не в настроении. А как дома?

Нэт махнул рукой:

– Норм. Рассказал про все папе, и он утверждает, что у директора нет доказательств – только улики. Не беспокойся, – успокоил он Нику. – Он согласился выступить как представитель твоего папы.

– Ты рассказал ему? – перепуганно спросила Ника.

– Ты что! Я сказал, что мы хотим спасти тебя от порки. Будем держаться твоей старой версии. Официально твой старик жив, только не занимается тобой.

– Спасибо, – усмехнулась она с благодарностью. – Надеюсь, это прокатит.

С самого начала учебного года Ника притворялась, что у ее папы проблемы с алкоголем, и он поздно возвращается домой. Она пыталась скрыть факт его смерти. До сих пор ей это удавалось, правду знали только Феликс, Нэт и Манфред.

– Ему, наверное, придется выступить представителем и моих родителей, – вздохнул Феликс. – Мама не сможет уйти с работы. Попросила ей все вкратце рассказать. Сказала, что верит мне и хотела бы, чтобы Ромашка дал ей электронный адрес. Папа на море проводит какие-то тайные эксперименты, поэтому не придет.

– Лично я думаю, что Ромашка разозлится, – сказала Ника. – Но у нас и так нет выхода.

– Мой папа злоустойчивый, – произнес Нэт.

К школе подъехал не первой молодости темно-синий «Сааб», требующий тщательной мойки. Из машины вышел папа Нэта.

– Папа говорит, что автомобиль нужен, чтобы на нем ездить, а не мыть, – буркнул, оправдываясь, Нэт.

Господин Белецкий был одет не слишком стильно. К джинсам и тенниске он надел мешковатый льняной пиджак. Он поздоровался. Все вместе они зашли в школу и направились в приемную.

– А-а-а... – Хеленка смотрела то на свои ногти, то на интерком. – А вы можете нажать красную кнопку?

Папа Нэта подошел к столу, усмехнулся ей и нажал красную кнопку.

– Да, дорогуша? – прозвучал из динамика голос Ромашки.

– Пришли Феликс, Нэт и Ника с родителя... с родителем.

– Так пусть заходят, я готов.

– Интересно, он знает, что его все слышат? – тихо спросил Нэт.

– А теперь можете нажать черную кнопку? – попросила секретарша.

– Что я должен наж... – Директор не закончил, потому что папа Нэта нажал на черную кнопку.

Хеленка улыбнулась с благодарностью.

– На лаки была акция, – пояснила она, глядя на папу Нэта, как на плакат с Бредом Питтом. – Ах! Вы должны сами открыть двери. Долго сохнет...

Папа открыл двери и пропустил детей первыми.

– Директор магистр-инженер Юлиуш Ромашка, – представился директор, шагая от стола с протянутой рукой. Сегодня он был одет в кремовый костюм, синюю рубашку и оранжевую бабочку.

– Марек Белецкий, – папа пожал его руку.
– Прошу, садитесь, подождем остальных родителей, – директор показал на диван.
– Они не смогут прийти, – ответил папа Нэта. Он не собирался садиться. – Вам придется ограничиться мной.

Ромашка замер с рукой, протянутой в сторону дивана.

– Не смогут прийти? – повторил он с ужасом.
– Я подменяю их. Мы хорошо знакомы, так что я все им передам – каждое слово.
– Я не могу разговаривать с вами о Феликсе и Нике. Это серьезное дело.
– Ясное дело, что серьезное, – согласился Белецкий, сменяя тон голоса на более грозный.
– Вы обвиняете моего сына и его друзей на основании нескольких нечетких фотографий.
– Они четкие... – растерялся директор.
– Нечеткие!

Ромашка занервничал. На его одутловатом лице появилось выражение еще большей растерянности. Он надеялся на извинения и уверения, что такое больше не повторится.

– Вы знаете, что значит «клевета»? – продолжал Белецкий.
– У меня есть свидетель, – директор вернул инициативу. – Одна из учениц подтвердила, что Феликс, Нэт и Ника курили в туалете.

Друзья почувствовали себя так, словно их ударили.

– Там никого не было, – тихо возразила Ника.
– Это надежный свидетель? – спросил папа Нэта. – Что эта ученица делала в мужском туалете?

– Я не могу выдавать никаких деталей, касающихся ее особы. Этика это запрещает... Но случилось еще одно событие – не менее важное. Может, вы все же сядете, – попросил директор и положил на столик журнал.

Он открыл его и посмотрел на лица посетителей, ожидая их реакции. Напротив фамилий троих друзей несколько оценок было вытерто, и на их месте вписаны шестерки.

Дети и папа Нэта ошарашенно смотрели на это. Наконец все медленно сели.

– Ученики не могут отвечать за состояние журнала, если его хранит кто-то другой, – сказал Белецкий, но без прежней энергии. – Каждый имеет к нему доступ.

– Только оценки Феликса, Нэта и Ники были исправлены, – заявил директор. – Изменены даже оценки в компьютерной базе данных. Доступ к школьному компьютеру защищен учителем Эфтипи, известным специалистом в этой сфере. – В этот момент Нэт издал странный звук, похожий на сдавленный кашель. – Сломать защиту мог только кто-то очень умный, а я уже знаю, что ваш сын – хакер. – Ромашка принес ноутбук Нэта.

– Вы попытались взломать чужой компьютер? – спросил с преувеличенным ужасом папа Нэта.

– Э-э-э-э... Нет. Мы с комиссией проверили только содержимое рюкзаков.

– Сколько времени вы сами находились с этими рюкзаками, пока собралась комиссия?

– Какое это имеет отношение к делу?! – начал Ромашка нетерпеливо. – Мы ничего в них не нашли, если вы это имеете в виду.

– Тогда откуда мысль, что мой сын – хакер?

– Ну он же носит с собой компьютер.

– Вы не пользуетесь компьютером каждый день?

– Я не люблю компьютерные игры. Я серьезный человек.

– Компьютер служит не только для компьютерных игр... – Папа Нэта покачал головой, пытаясь не вдаваться в дальнейшую дискуссию по этому поводу. – Что вы намерены делать?

– Мне очень жаль, – Ромашка выпрямился и продолжил официальным тоном: – Решением педагогического совета Феликс, Нэт и Ника освобождаются от занятий на неделю. А тем

временем мы проверим все аспекты этих двух дел и решим, что будет дальше. Гм... это все, что я хотел вам сказать.

Он встал, давая тем самым понять, что разговор закончен.

– Папа! Ты же в это не веришь? – спросил Нэт, когда они вышли на улицу. – У меня половина твоих генов! Ты думаешь, твой сын такой кретин, чтобы поставить себе шестерки по географии и польскому? Все знают, что у меня дислексия!

Папа остановился перед старым автомобилем и потер лицо:

– Садитесь, отвезу вас домой.

Они сели и пристегнули ремни. Сначала они поехали в направлении района Прага, к дому Ники.

– Даже если бы мы такое сделали, – отозвался через парочку километров Феликс. – То точно не таким примитивным способом.

Но Белецкий не ответил. За всю дорогу он не проронил ни слова.

* * *

Нэт жил с родителями в пентхаусе, в квартире на последнем этаже высотки. Апартаменты занимали весь этаж, и даже два, потому что в столовую, кухню и зимний сад, размещенный в застекленном павильоне на крыше здания, нужно было подниматься по ступеням. Большую часть крыши занимал сад, выглядевший так, как обычно выглядит ухоженный сад возле дома: газон, кустарники и небольшие деревья. Только этот сад находился в ста метрах над землей. С небоскреба открывался невероятный вид на центр Варшавы, но такое расположение имело и свои минусы. Игра в футбол, например, всегда заканчивалась после первого аута.

Один из павильонов был двухъярусным, там находилась мастерская мамы. Благодаря окнам во всю стену мама, работая, любовалась фантастическим видом. Она была художницей, могла целыми часами, сидя на высоком стульчике, покрывать полотно цветными пятнами. В зависимости от настроения она пила красное вино из пузатого бокала или несвежий кофе из большой кружки.

Нэт по ступеням поднялся в мастерскую. На маме была любимая одежда – заляпанная тенниска и джинсы, тоже в цветных пятнах. Черные волосы она перевязала резинкой. Уникально: вместо кофе или вина на столике стоял стакан с вишневым соком. Нэт чмокнул маму в щеку и уселся на диване, около вороха скомканных набросков. Мама закончивала картину выше человеческого роста. Она наклонялась до самого пола, чтобы поставить одну маленькую точку, а через секунду вставала на носочки, чтобы добавить аккуратный штришок у самого верха. Нэт точно не унаследовал от мамы способностей к рисованию, потому что даже не понимал, что представляет собой картина. То, что эта картина готова, он заключил только по количеству краски, наложенной на полотно. Он наклонил голову и попробовал угадать, что видит. Немного было похоже на кита, немного на горное озеро, но это могло быть и пятно масла на асфальте. Он не спрашивал маму, потому что она всегда отвечала, что в ее картинах каждый видит то, что хочет. Он прищурил глаза и окончательно решил, что это пятно масла.

– Папа мне все рассказал, – отозвалась мама, не прекращая работу.

Она добавила несколько желтых черточек на черной фигуре. Тогда это не пятно, решил Нэт. Может, это жабры кита?

– Ты не исправлял тех оценок, – протянула мама. – Тебя никогда не волновали баллы.

«Кит – млекопитающее, и у него нет жабр, – напомнил себе Нэт. – А может, это толстая акула?»

– Ну и ты не настолько глуп, чтобы вписать себе шестерку по польскому, – сказала мама, разбрызгивая немного голубой краски на середину картины.

Нэт совсем не понимал, что мама нарисовала.

– С этими наркотиками я была не уверена, но папа меня убедил, что ты ничего не куришь. На картине появилась большая красная капля. Мама сделала глоток сока и сказала:

– Думаю, ты должен с ним поговорить и развеять его сомнения. Этого по нему не видно, но его очень обеспокоил сегодняшний разговор.

Она крепко обняла сына и поцеловала в лоб. Нэт вздохнул и потащился по ступеням в зал. Квартира напоминала модный офис, в котором вместо нормальных стен пространство было поделено ажурными стеллажами и низкими перегородками.

Папа лежал на диване и читал «Идеальное несовершенство».

– Ты действительно думаешь, что я бы поставил себе шестерку по польскому? – Нэт сел в кресло напротив дивана.

Папа продолжал читать, притворяясь, что не заметил присутствия сына.

– Четверку еще куда ни шло... но шестерку? – продолжил Нэт. – А что по поводу тех косяков, то ты больше доверяешь какой-то незнакомой девочке, а не мне?

Папа не отложил книгу, но Нэт заметил, что он перестал водить глазами по тексту.

– К тому же польский преподает наша Йоля, она наш куратор и помнит каждую оценку и знает про мою дислексию.

– Скажи, что бы ты подумал на моем месте? – Папа отложил книгу и сел. – Я прихожу в школу для разговора про какие-то следы, странные улики, а тут выясняется, что есть свидетель, который видел, как вы курили.

– Это какая-то девочка, а не свидетель...

– Не перебивай. Потом я узнаю, что в журнале исправлены только ваши оценки. Или кто-то из класса, кроме тебя, разбирается в сетевой защите настолько, что смог добраться до оценок?

– Папа... Проверь сам. Наш информатик – полный профан. Он не разбирается в защите данных.

Папа встал и пошел в кабинет, отделенный от остальных помещений перегородкой из матового стекла. На столешнице под окнами стояло несколько компьютеров. Он уселся и начал рассматривать сайт, а потом застучал по клавиатуре в невероятном темпе.

– Ты прав, – сказал он через минуту. – Я вошел за три секунды. Ты думаешь, что кто-то это сделал, чтобы вам напакостить?

– Так ты мне веришь? – обрадовался Нэт.

– Предположим, что да. Но это не отменяет тот факт, что у вас серьезные проблемы. Это может быть для вас тяжелым испытанием.

– Я закаленный. Достаточно того, что ты поддерживаешь меня и не хочешь сделать мне медицинскую справку о дислексии, – Нэт с горечью усмехнулся. – Такая справка освободила бы меня от написания тестов по орфографии.

– Нужно работать над собой, а не жаловаться, сынок.

– Неделя перерыва в учебе... – Нэт не выглядел опечаленным. – Как-то наверстаем.

– Дело не в этой неделе. Ты не думаешь, что педсовет может отчислить вас из школы?

* * *

Феликс и Нэт обсудили слова Белецкого-старшего по телефону и пришли к выводу, что ситуация серьезная и требует каких-то действий. У Ники не было телефона, поэтому они поехали к ней на автобусе.

Солнце пробивалось через мглу, укрывающую небо, но было тепло. Ника жила в маленькой полутораконатной квартире в районе варшавской Праги. По мощеной улочке, с трамвайными путями и паутиной электрических проводов, мальчики дошли до типичной угловой каменицы с круглым эркером, который венчала остроконечная крыша. Про домофон тут никто

не слышал, а старые двери никогда не закрывали. С легкой тревогой они поднялись по темной лестнице на четвертый этаж. Феликс нажал на кнопку звонка.

– Кто там? – через мгновение раздался голос из-за дверей.

– Это мы, – ответил Нэт. – Открывай, тут страшно стоять...

Щелкнул замок, и двери открылись, мальчики быстро проскользнули внутрь. Девочка была одета в старый, растянутый спортивный костюм и тапочки. Она виновато усмехнулась.

– Не узнаю тебя в этих тихиходах, – сказал Нэт, поглядывая на ее обувь.

Квартира Ники была действительно полутораконатной. Посредине большой комнаты тосковали стол и три стула. Самым солидным из мебели был огромный старый шкаф. Напротив стоял диван. Роль кухни выполняла старая газовая плита, рядок шкафчиков и раковина. В углу три ступени вели к эркеру, в котором и находилась совсем маленькая круглая комнатка, где половину стены занимало окно. Тут размещался маленький письменный стол, деревянный стул, узкий шкаф и несколько книжных полок. В этом помещении использовался каждый сантиметр пола и стен, заставленный полочками, шкафчиками, картинками и крючками. Но тут было очень уютно.

– Садитесь, – пригласила девочка. – Чаю хотите?

– Спасибо, нет, – ответил Феликс. – Надо поговорить.

Они уселись за стол. Ника сдвинула в сторону кипу книг и несколько желтых ручек.

– Нам даже не задали никакого домашнего задания, поэтому я подтягиваю «хвосты» по литературе, – объяснила она.

– Ты уже обедала? – спросил Нэт.

– Да, – Ника покраснела. Мальчики поняли, что она врет.

– Ну а мы нет! – Довольный Нэт вытащил из рюкзака бумажный пакет и достал из него три больших гамбургера. – Можешь с нами поесть, чтобы мы не выглядели глупо. – Он развернул свой гамбургер и сказал: – Мой папа говорит, что нас могут вытурить из школы.

– Но именно в этот раз мы ничего не сделали, – грустно добавил Феликс, критично рассматривая свой бургер. – Жаль, что мой папа уехал.

– А мама? – спросила Ника, примеряясь к своему гамбургеру.

– Если ей придется отпроситься с работы, она будет злой и устроит такой скандал Ромашке, что он слова сказать не сможет. Тогда нас точно вытурят из школы.

– Моя, наоборот, слишком добрая, – с полным ртом произнес Нэт. – Но мы можем нанять какого-нибудь актера, чтобы он прикинулся отцом Ники. Ведь у него никто не будет требовать паспорт. Может, Богуслав Линда? Он когда-то играл папу... Нет, дерик его узнает... Ладно, глупая идея. Лучше найдем адвоката.

– Ну не знаю, – девочка покачала головой. – Может, хватит твоего папы. Он справлялся совсем неплохо.

– Думаю, это какой-то организованный заговор, – добавил Феликс. – Такие совпадения слишком подозрительны. С того момента, как какая-то ученица наврала директору про нас, все это перестало мне казаться случайностью.

– А может, исправим оценки всем? – воскликнул Нэт. – Таким же способом.

– Думаю, сейчас они лучше следят за журналами, – Феликс не разделял его энтузиазма. – Если нас заметят рядом с учительской, то нам уже ничто не поможет. Так или иначе, у нас пять дней, чтобы доказать свою невиновность.

– Я всегда думал, что в свободной стране каждый невиновен до того момента, пока не доказана его вина, – буркнул Нэт. – Спорим, что Манфред навтыкал Ромашке за попытку взломать мой компьютер, и это его разозлило.

Одна из версий Манфреда постоянно находилась в ноутбуке Нэта и временами синхронизировалась с другими версиями, чтобы иметь одни и те же воспоминания.

Феликс встал и обошел стол, будто случайно заглядывая в эркер. Там стояло несколько картонных ящиков. Один из них был открыт и доверху наполнен желтыми ручками. Он хотел спросить про них Нику, но передумал, вернулся к столу и молча сел.

– Может, пора задуматься над тем, кто мог это сделать, – предложила Ника, кидая напряженный взгляд в сторону ящиков.

– Марцель, – тут же предложил Нэт. – Наверное, кто-то ему рассказал, что фильм, в котором он убегает от большого плюшевого мстителя, наших рук дело.

– Возможно... – сказал Феликс. – Но интеллект не является его сильной стороной. Такие, как он, выбирают самые простые решения. Он подождал бы нас после школы... Где хранятся оценки? В журнале, в базе данных компьютера и в личных записях каждого учителя. Где еще?

– Если Эфтипи знает хотя бы основы защиты данных, то есть бэкап, – добавил Нэт. – Скорее всего, автоматический.

– Что такое бэкап? – спросила Ника.

– Резервная копия, на случай, когда оригинальные данные пропали. Если бы я не копировал данные... Ладно, это не важно...

– Если сравнить резервную копию с реальными оценками, то мы могли бы найти отличия? – спросил Феликс.

– Собственно, да, – ответил Нэт. – Но... зачем?

– Можно будет увидеть, чьи еще оценки изменились, кроме наших.

– Ромашка вызвал только нас...

– Проверь, – настаивал Феликс. – Это может привести нас на какой-нибудь след.

Нэт вытер рот салфеткой и полез в рюкзак за ноутбуком. Рукавом он протер компьютер, словно хотел избавиться от отпечатков пальцев директора. Потом он открыл крышку и включил его. Ника в это время закрыла ящик с ручками.

– *Привет!* – отозвался Манфред. – *Рад вас видеть.*

– Мы тебя тоже, – ответил Нэт, – но... именно сейчас мы обговаривали одно важное дело. Мне нужно кое-что проверить.

– *Скажи что, и я сразу же проверю.*

– Спасибо, но я не хочу потерять навыки.

– *Кроме того, у меня есть кое-что, что вас заинтересует.*

– Манфред! Потом поговорим. Отключись на минутку.

– *Хорошо-хорошо... Нет так нет... меня уже нет.*

Нэт соединил компьютер со старым мобильным телефоном и начал выстукивать на клавиатуре. Друзья видели только мигающие окошки и строчки текста. Они уже привыкли к тому, что если дело касается Нэта и компьютера, то все делается раз так в десять быстрее, чем нужно.

– Я уже скачал файл, – отозвался он через минуту. – Это оценки всей школы с начала семестра. Сейчас только нужно найти отличия.

Он вбил еще несколько команд. На экране сформировалось две колонки цифр. Программа быстро нашла отличающиеся строки. Их было пять.

– Черт возьми! – выкрикнул Нэт. – Ты прав! Это Ламберт и... Аурелия! Вот, пожалуйста... Я где-то читал, что, если нет врагов, это значит, что в твоей жизни ничего не происходит... Это звучит соблазнительно. Они подставили нас и, пользуясь случаем, подняли себе средний балл.

– Наоборот, – запротестовала Ника. – Они подняли себе балл, а нас, пользуясь случаем, подставили, чтобы замести следы... Нет, подождите! Мы делаем ту же ошибку, что и директор. Обвиняем их без доказательств.

– Как это?! – удивился Нэт. – Ты сейчас смотришь на доказательства! Ты предполагаешь, что тут многослойный заговор? Двойной блеф? Кто-то спрятался за Ламберта и Аурелию, а их спрятал за нас? Я в это не верю...

- Ты рассуждаешь точно так же, как Ромашка! – воскликнула Ника.
- Ты же не любишь Аурелию.
- Да, но речь идет о справедливости!
- Перестаньте! – прервал их Феликс. – О каком предмете Аурелия больше всего переживала?
- Польский и история, – ответила Ника немного обиженно.
- А оценки изменены по физике и математике, – Феликс показал на экран. – По этим предметам у нее были тройки, она не напрягалась, а сейчас четверки. Ламберт переживал за информатику, математику и физику. Посмотрите, именно по этим предметам у него стали лучше оценки. Думаю, это сделал Ламберт, без участия Аурелии.
- Она же не любит Нику, – заметил Нэт. – У нее была бы причина.
- Зато тебя она любит, – буркнула с иронией Ника.
- Думаю, Ламберт сам исправил свои оценки, – сказал Феликс, – а при случае поднял их Аурелии, потому что она ему... нравится. Только он не знал, по каким предметам поднимать, поэтому выбрал самые низкие – по физике и математике. А нас он намеренно втянул, чтобы замести следы.
- В последнее время у нас были проблемы, – признал Нэт. – Он знал, что Ромашка нам не поверит. Но... оценки Ламберта не были исправлены в журнале!
- Может, свои он исправил так, чтобы было незаметно? Мы должны это выяснить.
- Если я правильно понял, – Нэт неуверенно посмотрел на друзей, – ты предлагаешь, чтобы мы действительно выкрали журнал? Три минуты назад ты говорил, что этот способ еще сильнее утопит нас.
- Обстоятельства изменились. Это лучший вариант, чтобы доказать нашу невиновность. Но сначала придется рискнуть.
- Если это действительно он, – Ника покачала головой, – то он настоящая гнида... Мальчики переглянулись, а Нэт сказал:
- Мы давно это знаем.
- Подождите... – Ника наморщила брови. – Какая-то девочка сказала Ромашке, что видела, как мы курили в туалете.
- Думаешь, это Аурелия? – спросил Нэт.
- Они разделили задания. Ламберт изменил оценки, а она наврала Ромашке.
- А ты говорила, что она меня любит...
- Нелюбовь ко мне была сильнее... Сейчас лучше подумаем, как доказать, что это не наши окурки.
- Некоторое время было тихо. За окном проехал трамвай, и весь дом задрожал.
- Действительно трудно доказать, что чего-то не делал, – через некоторое время произнес Нэт. – Это нечестно!
- Если я могу уже вернуться, – отозвался Манфред, – то хотел бы заметить, что ваш разговор свернул не туда.
- Это почему?
- Вы, как всегда, не хотите меня слушать. В то же время я владею определенными материалами, которые могут изменить ваш взгляд на это дело. У меня есть запись, что происходило в кабинете директора.
- Все трое посмотрели на компьютер.
- И ты только сейчас об этом говоришь? – спросил Нэт.
- Я пытался раньше, но ты сказал мне отключиться. И только минуту назад я поговорил с той моей версией, которая рассказала про ваши проблемы. Я же не должен напоминать, что одновременно присутствую в нескольких местах? Я на ноутбуке не знаю, что я делаю на вашем домашнем компьютере. То есть знаю, но лишь после синхронизации.

– А Ромашка пытался взломать тебя?

– Да, но я его отговорил. Словесно. Казалось, это выбило его из колеи... Он оставил компьютер на столе, поэтому я все видел. Звук не записывал, чтобы не тратить место. Хочу тебе напомнить, что ты набросал столько мр3 файлов, что мне развернуться негде. Я чувствую себя так, будто живу на заваленном хламом складе. Залезь когда-нибудь в забитый шкаф и почувствуешь, как это приятно.

– Хорошо-хорошо. Что-то с этим сделаю.

– Как помню, ты всегда так говоришь. И к слову, я удалил несколько игр.

– Да ты что...

– Я понял, что это дело важнее.

Первые несколько минут на экране было видно Ромашку, который пытался что-то набирать на клавиатуре. При этом он высовывал язык, как ребенок, который строит что-то замысловатое из кубиков. Было заметно, что он все больше бесится. Он что-то говорил компьютеру, но неизвестно что именно. Потом Манфред перемотал фильм до момента, когда в кабинет зашла высокая девочка с рыжими волосами, одетая в черную юбку и белую блузку. Она выглядела старше, чем ученица гимназии.

– Звук нужно было записать... – буркнул Нэт. – Неизвестно, что она говорит.

– Замечу, что вы не соизволили проинформировать меня о своих проблемах, – в голосе Манфреда была обида. – Я записал это из-за обычного любопытства. Я размышлял, что я делаю в кабинете директора.

– Извини, – сказала Ника. – Это все случилось так быстро.

Девочка на экране попрощалась с Ромашкой и вышла. Директор казался грустным. Он сел на диван и уставился в стену, не шевелясь.

– И сколько он так будет сидеть? – через минуту спросил Нэт.

– Извините, – спохватился Манфред и затемнил экран. – Это был... последний кадр фильма. Именно тогда закончилось место на диске. Дальше я мог стереть только свою собственную память.

– Это какая-то большая паранойя! – Нэт схватился за голову. – Вокруг нас только враги.

– Я откуда-то знаю эту девочку, – сказала Ника, положив руки на стол.

Феликс поднял ее ладонь. У нее были опухшие пальцы.

– Это... ничего, – она спрятала руки под стол и опустила глаза.

– Вернусь домой и застану там наркологическую бригаду, рыскающую в моей комнате, – продолжал Нэт.

– Она с третьего курса... – сказала Ника, вставая и пряча руки за спину.

– Распорют мое любимое кресло, очистят мои диски, выльют мамину краску на пол...

– Она... слишком красивая, чтобы водиться с такой мелкой гнидой, как Ламберт.

– Цветы повытаскивают из горшков, перекопают сад, мука и сахар будут по всей кухне...

– Да хватит уже... – попросил Феликс.

Воцарилось молчание. Включился холодильник и начал гудеть.

– Думаю, Ромашка нас любит, – сказала Ника. Она села, но руки держала на коленях под столом.

– Он нашел специфический способ, чтобы показать это, – прозубоскалил Нэт.

– Он был огорчен, когда узнал, про кого говорит эта девочка.

– Он был огорчен, когда узнал, что в его школе курят что-то похуже, чем сигареты.

– Нет, он знал об этом и раньше. В разговоре с нами он был милым, пока ты не ляпнул про мои ботинки. Он считает, что мы его подвели.

– Ну ладно, даже если и так, что это меняет? – спросил Нэт.

– Если Ромашка позволяет собой манипулировать, – медленно произнес Феликс, – мы должны действовать как они. Снова должны найти три затоптанных окурка. А раз уж нам

нельзя ходить в школу, то вывод прост – не мы их там бросили. А значит, и не мы курили в прошлый раз.

– Идеальное алиби! – Нэт был в восторге. – Как в детективе: в момент совершения преступления подозреваемый сидел в тюрьме.

– Именно! Если Ромашка найдет три окурка в том же туалете, то не подумает же он, что мы пришли в школу просто покурить.

– Гениально! Манфред может сделать симулятор Ромашки. Мы бы предвидели каждый его шаг.

– Есть только одна маленькая проблема, – Нике явно не нравилась идея снова прокрасться в школу. – Откуда мы возьмем три косяка?

– Купим, – хмуро ответил Феликс.

– Как все перевернулось с ног на голову, – вздохнул Нэт. – Мы должны выкрасть журнал, чтобы доказать, что мы его не крали. И нам нужно купить наркотики, чтобы доказать, что мы их не покупали.

3. Ночная вылазка

Когда стали опускаться сумерки, перед кафе «Лишние калории» появилась тощая фигура в черном капюшоне. Несколько раз она прошла туда-сюда по тротуару, убеждаясь, что никто за ней не следит, и наконец вошла внутрь. Взгляды всех посетителей обратились на нее. Прошло несколько минут, пока Ника решилась стянуть с головы капюшон. Она поздоровалась с удивленной госпожой Басей и подошла к столику, за которым сидели друзья. Нэт был в темно-серой толстовке с капюшоном, а Феликс – в черной безрукавке с десятком карманов. На Нике поверх черной толстовки была надета джинсовая курточка. Она села и осторожно наклонилась к мальчикам.

– Купили? – спросила она с напряжением в голосе, пытаясь соблюдать конспирацию.

Нэт с каменным лицом кивнул. Он оглянулся и вытащил из кармана маленький пластиковый пакет с тремя самокрутками.

– О боже! – Она вытаращила на них глаза. – Как? Откуда?

– Это чай, завернутый в промокашку, – пояснил Феликс.

– Ну и зачем ты сразу все рассказал? – Нэт выглядел разочарованно. – У меня уже была заготовлена история про встречу под мостом с темными личностями из черного джипа...

Ника смотрела на него снисходительно.

– Извините, – над столиком склонился крупный мужчина. – Можно?

Испуганные дети вжались в кресла.

– Можно? – повторил мужчина и, уже не ожидая разрешения, взял со стола коробок спичек с логотипом кафе. Он прикурил сигарету и отдал коробок Нэту.

– Эти нервы нас доконают, – выдохнул Нэт.

– Пока я ехала сюда, то представила, – начала Ника, – как мы в туалете с дымящимися окурками склонились над журналом, и... тут входит директор. Вот тогда мы бы ни за что в жизни не выкрутились!

– Потому мы и ждем, пока все покинут школу, – пояснил Нэт. – Только больше не маскируйся, а то выглядишь как черная шапочка, которая хочет сожрать волка.

– Это рискованная операция, – признал Феликс. – Мы, как Фродо и Сэм, которые несут перстень в Мордер.

– Чур, я Фродо, – произнес Нэт. – Ты можешь быть Сэмом.

– А я? – машинально спросила Ника.

– Ну... – Нэт минуту колебался. – Был еще Голум.

– Не зли меня.

– Собираетесь тут курить? – спросила госпожа Бася, останавливаясь возле них с подносом и тремя кружками шоколада. На ее лице не было и следа улыбки.

Друзья посмотрели на самокрутки, что лежали на столике. Но было уже поздно их прятать.

– Это чай, – быстро пояснил Феликс.

– Чай... – повторила Бася, глядя на них с серьезным лицом.

Феликс взял один косяк и сунул ей под нос.

– Эрл Грей, – определила она с облегчением. – Но зачем вы это сделали?

– Это туристический набор... – буркнул Феликс.

– Это запутанная история, – вмешалась Ника. – Вы нам не поверите.

Нэт только сейчас заметил, что держит в руках коробок спичек. Он быстро спрятал его в карман и глупо улыбнулся. Госпожа Бася покачала головой и поставила перед ними кружки с шоколадом.

– Только не впутайтесь ни во что плохое, – с нежностью сказала она и ушла.

– Может, это приведет нас еще к одной, уже большей ТВК? – произнесла Ника.

– Ничего лучшего мы не придумали, – оправдывался Феликс, пряча чай в один из карманов. – К сожалению, невиновность не написана на лбу.

– Ты выглядишь в этой безрукавке так, словно собрался на рыбалку, – с улыбкой заметил Нэт.

– Она очень практичная. В ней много карманов.

– И в каком из них у тебя червяки? – захихикал Нэт. – У меня толстовка застегивается под шею и до самого носа. Если что, меня не узнают.

– Ты говорил, что это я бросаюсь в глаза, – напомнила Ника.

– Надевай этот капюшон только в крайнем случае. Например, если кто-то спросит, зачем мы идем ловить рыбу на втором этаже.

Они допили шоколад, поблагодарили и вышли на улицу. Каждый из них засунул за правое ухо фонарик.

– Сегодня нет никакого футбольного матча, так что мы должны быть внимательны, – сказал Феликс. Все знали, что Сильвестр был заядлым болельщиком.

Дети обошли школу. Задняя калитка была закрыта, но легкого толчка хватило, чтобы старый замок поддался. Школьный сад был запущенным, а старые деревья выглядели так, словно хотели броситься на вошедших. Заросшая тропинка вела к ступеням и к задним, почти неиспользуемым дверям.

– Твоя программа заикливает изображение с работающей камеры? – Феликс глянул на камеру над дверями.

– Надеюсь, – ответил Нэт. – Я запустил ее перед выходом из дома.

Феликс вытащил из рюкзака универсальный ключ и вставил в замок. После нескольких секунд жужжания и шелканья двери открылись. В длинном коридоре, что вел к раздевалке, было темно. Мрачные ответвления выглядели как ходы в драконьей пещере. С душой в пятках, со слабым светом наушных фонариков, они добрались до лестницы.

В холле горело несколько ламп. Из-за стойки вахтера телевизор отбрасывал на стену голубые отблески. Также было видно макушку Сильвестра. Звук фильма эхом отбивался от стен, словно герои вышли из телевизора и переговаривались в школьном холле.

– Он и так пялится в телик, – тихо констатировал Нэт, – но звук, к сожалению, не такой громкий, как во время матча.

Чтобы добраться до учительской, достаточно было свернуть в сторону библиотеки. Вероятность того, что Сильвестр туда заглянет, была мизерной, но все же была. Коридор вел только в библиотеку, и в случае чего им некуда было бежать.

Феликс двинулся первым, за ним Нэт и Ника. Боковой коридор не был освещен, только свет из холла добирался сюда. Внезапно друзья замерли, услышав отдаленное жужжание. Звук шел изнутри здания и не напоминал телевизор.

– Это, наверное, наверху, – прошептал Феликс. – Лампа перегорает...

– Или сквозняк... – добавил Нэт.

Жужжание утихло. Они подождали еще несколько минут и двинулись дальше. Они проникли в учительскую незаметно, как профессиональные взломщики. Двери были, конечно же, закрыты, но универсальный ключ справился. Феликс уже хотел нажать на ручку, когда Нэт остановил его.

– Смотри! – прошептал он и показал на плоскую коробочку на стене.

Он открыл крышку. Внутри была... панель сигнализации.

Дети вздохнули.

– Этого только не хватало, – прошипел Феликс. – В комнате, скорее всего, есть датчик движения. Должно быть, только сегодня установили.

Нэт включил фонарик и присмотрелся к клавиатуре.

– Четырехзначный код... десять тысяч комбинаций, – быстро просчитал он в уме.

– Если включится сигнализация, мы не успеем добежать даже до лестницы, – заметила Ника. – Сильвестр нас увидит.

Мальчики внимательно рассматривали клавиатуру.

– Можно ее взломать, – размышлял Нэт вслух. – Если только в твоём рюкзаке есть плоскогубцы, отвертка, проволока и прищепки. Бьюсь об заклад, что есть.

– Есть, – кивнул Феликс. – Разобрать это просто, раскодировать тоже, если только у тебя есть ноутбук. Бьюсь об заклад, что есть.

– Есть, – признался Нэт.

– К сожалению, труднее будет потом собрать все в кучу. Если оставим следы, вся миссия провалится.

Феликс минутку подумал, потом вытащил из рюкзака эндоскоп – прибор, который много раз уже доказал свою полезность. Эндоскоп состоял из длинного, довольно жесткого провода, который заканчивался маленьким объективом с одной стороны и жидкокристаллическим экраном с другой. С его помощью можно было заглядывать в разные недоступные места. Феликс выгнул конец провода под прямым углом, засунул его в щель под дверь и повернул объективом вверх. На экране они увидели часть потолка, двери и датчик над ними, он выглядел как маленькая белая коробочка.

– Может, и получится, – сказал Феликс. – Датчик над дверями и нацелен на окно.

– Мы сможем прокрасться вдоль стены?

– Вряд ли. Он увидит нас. Но... – Он снова задумался. – У вас есть фольга?

– Ну, естественно, чувак, – сказал с преувеличенной иронией Нэт. – Пять рулонов. Постоянно с собой ношу, на случай, вдруг ты спросишь.

– У тебя есть шоколадка, – Ника посмотрела на Феликса.

– Ну, естественно, – произнес Нэт. – Она постоянно лежит в твоём рюкзаке на случай, если вдруг наступит очередной ледниковый период и тебе придется долго добираться домой.

Феликс пропустил эту шутку мимо ушей. Он вытащил из рюкзака плитку потрескавшегося, покрытого белым налетом шоколада и снял верхний слой упаковки. Критическим взглядом осмотрел потертую алюминиевую фольгу и угостил шоколадом друзей. Они молча жевали

старую шоколадку, потом Феликс стряхнул крошки и сформировал из фольги что-то, похожее на...

– Что это? – Нэт поднял брови. – Огнеупорный плащ для хомяка-пожарника?

– Не в этот раз. Это экран для инфракрасных лучей, – объяснил Феликс. Нэт и Ника вопросительно смотрели на него, поэтому он продолжил объяснять: – Сенсор сигнализации работает в инфракрасном свете. Помните последний урок физики? – Они неуверенно кивнули. – Когда я конструировал искусственного пса, то использовал инфракрасные сенсоры, чтобы он не наткался на стены и отличал людей от мебели. Я знаю, как это работает. Если такой сенсор закрыть алюминиевой фольгой, то она будет работать как зеркало. Сенсор будет смотреть сам на себя, а мы войдем и сможем свободно передвигаться по комнате.

– Ну ты и голова... А ты в этом уверен?

– Нет, это теория, – честно ответил Феликс. – Я только что придумал. Но мы всегда можем вернуться домой и просто ждать решения педагогического совета.

– Ладно, – кивнул Нэт. – Укутывай этот сенсор!

Феликс забрался ему на плечи, и вдвоем они стали балансировать у дверей учительской, как цирковая труппа. Феликс с помощью изогнутого куска провода пытался повесить алюминиевый «плащ» на датчик, одновременно не давая ему себя заметить. Ника держала эндоскоп и показывала Феликсу экран, чтобы тот видел, что делает. Со стороны это выглядело довольно забавным, но, к счастью, не было никого, кто мог бы за ними наблюдать. Через две минуты эквилибристики фольга повисла на датчике. Феликс прыгнул на пол, а Нэт с облегчением перевел дыхание и помассировал плечи.

– Слишком много пряников бабушки Люси, – буркнул он.

– Сладости у меня только по субботам, – констатировал Феликс и зашел в учительскую. Сигнализация не сработала.

– И что? – удивился Нэт. – И все? Этого хватит? Фольга от старой шоколадки блокирует новейшую сигнализацию?

– Как видишь, – Феликс развел руками и улыбнулся. – Кто-то из вас когда-то был в учительской? – Друзья покачала головами. – Значит, мы не знаем, где хранятся журналы...

Нэт с Никой зашли в кабинет и закрыли двери. В бледном свете напольных фонариков они обыскали шкафчики, забытые разными папками. Их было много.

– Подождите, – внезапно крикнула Ника и показала на дверцы шкафчика с большой надписью: «Журналы».

Три луча фонариков осветили шкаф.

– А тут нет никакой дополнительной сигнализации? – тихо спросил Нэт.

Феликс открыл шкафчик. Сигнализации не было. Он вытащил журнал с надписью: «1-А», открыл его прямо на полу, и вся троица над ним склонилась.

– Сложная система, – заметил Нэт, переворачивая страницы.

Когда они дошли до страницы с польским, то увидели три грубо исправленные оценки. Также они заметили фосфоресцирующие яркие квадратики, заполняющие несколько клеток в графах Ламберта и Аурелии.

– Они же сразу бросаются в глаза, – разочарованно заметил Нэт, – а в кабинете Ромашки мы этого не заметили.

– Это корректор, – ответил Феликс, придвигая журнал ближе к глазам. – Он замазал старые оценки корректором и написал поверх него новые.

– Но почему тогда мы ничего не заметили? – спросила Ника.

– При дневном свете цвет бумаги и корректора выглядит идентично, а сейчас, – он постукал пальцем по фонарику, – свет более голубой в отличие от дневного света, и бумага отражает его слабее, чем корректор.

– Что будем делать?

Феликс посмотрел на потолок.

– Люминесцентные лампы, – задумчиво произнес он. – Тоже дают свет другого цвета. Обман выйдет наружу в какой-то из вечеров или при пасмурной погоде. Ладно, приступим.

Он вытащил из кармана рюкзака стирательную резинку и осторожно, чтобы не порвать бумагу, стал вытирать вписанные Ламбертом оценки.

– А сейчас поставим себе единицы, – объявила Ника.

– Что?! – выкрикнул Нэт. – Ни в коем случае! Нам придется еще раз писать тест по орфографии!

– Ты разбираешься в компьютерах, а не в психологии, – ответила Ника. – Доверься мне. Через три дня должен состояться педсовет по нашему делу. Школа должна предоставить нашим... родителям причину, из-за чего они хотят нас отчислить из школы.

– Сама себе вписывай единицы! А мне... уж спасибо. Я предпочитаю объяснять шестерки, а не единицы! Феликс, скажи что-нибудь...

– Возможно, Ника права, – задумался Феликс. – Я не представляю, как Ромашка будет объяснять, что мы сами себе поставили единицы...

– Уверен? – Нэт с подозрительностью посмотрел на него.

– В этом безумии есть логика...

– Ладно... Ладно... Пусть так. Но, чур, у меня будет право кричать вам: «А я говорил!»

Ника начала аккуратно вписывать напротив их фамилий единицы. У Нэта было такое выражение лица, словно у него разболелся зуб, а стоящий рядом стоматолог выбирает самое толстое сверло.

– А что с Аурелией? – спросил он. – Рано или поздно кто-то откроет журнал при люминесцентном освещении.

Он с беспокойством посмотрел на Нику, но она, кажется, не собиралась протестовать. Наоборот, она лично соскребла корректор в клеточках на нескольких страницах, открывая старые оценки под слоем. Мальчики переглянулись, но ничего не сказали. Нэт вернул журнал на место. Они погасили фонарики и вышли в коридор. Феликс в последнюю минуту вспомнил про сенсор и проволокой снял с него фольгу. Осторожно вышел и закрыл двери на замок.

– Теперь мы точно знаем, что нас подставили, – утвердительно произнес он.

Они снова услышали странное жужжание и замерли.

– А всё было так спокойно... – застонал Нэт.

Они вслушивались в необычный звук.

– Он как будто перемещается, – заметил Феликс.

– Интересно, Сильвестр может его слышать? – спросила Ника.

– Он сидит слишком близко к телевизору.

– Успокойте меня, – прошептал Нэт. – Скажите, что вы тоже боитесь.

Феликс и Ника согласно кивнули. Прижимаясь к стене, они добрались до начала коридора и без энтузиазма смотрели на тонущие во мраке ступеньки. Туалет был в противоположной стороне, возле второй лестницы. Можно было бы добраться до него по освещенному коридору, но пришлось бы пройти мимо вахтера. Оставалась дорога через мрачный коридор второго этажа.

– Аналогично гудят двигатели у авиамоделей... – отозвался Феликс, но звук вдруг снова прекратился.

– Или механические пилы по дереву... – мрачно добавил Нэт. – А я мог бы сейчас сидеть перед теликом...

Дрожа от страха и прижимаясь спинами к стене, они вышли на второй этаж. По коридору можно было обойти здание по кругу и в случае чего спуститься в подвал по другой лестнице. Можно было почувствовать себя в безопасности, потому что отсюда было легче убежать от Сильвестра, если бы он решил сделать обход. Однако они не чувствовали себя лучше. Дети

стояли наверху лестницы и вглядывались в длинный коридор. В окна проникал свет Луны и фонарей на патио. Они придвинулись ближе друг к другу, не в состоянии преодолеть очередной участок.

Наконец Ника потянула ребят за рукава, и они сдвинулись с места.

– Предпочитаю находиться от этого подальше, – прошептала она и тут же приглушенно вскрикнула.

Сзади, со стороны лестницы, что вела наверх, снова раздалось противное жужжание. В этот раз вполне отчетливо. Оно то стихало, то гудело еще громче.

– Как летающая газонокосилка, – прошептал Нэт.

– Оно на этаже выше, – оценил Феликс, непроизвольно ускоряя шаги. – Словно кто-то пылесосит...

– Я не замечал за Пумперникель такой самоотверженности, – Нэт посмотрел на потолок.

Звук переместился и сейчас слышался где-то впереди, со стороны второй лестницы. Дети сбились в тесную кучку. Казалось, что они слышали стук собственных сердец.

– Может, школа купила автоматический пылесос... – прошептал Феликс.

– Или полотер, – произнес Нэт. – Чтобы еще больше скользило.

Они уже не знали, вернуться им или идти дальше. Источник звука продолжал перемещаться. Наконец он отдалился, хотя не утих.

– Оно свернуло в боковой коридор, – дрожащим голосом произнесла Ника. – Хорошо, что нам не нужно в нашу штаб-квартиру...

– Сделаем, что должны, и сваливаем, – Феликс двинулся вперед.

– Я реально восхищаюсь отвагой Сильвестра, – прошептал Нэт, пытаясь не отставать. – Если тут происходят такие дела, я бы свалил отсюда в первую же ночь.

Они добрались до соединения двух коридоров на выходе с лестницы. Сейчас тут было тихо, слышался только телевизор снизу. Дети зажгли фонарики и зашли в туалет. Нэт быстро закрыл за собой двери и перевел дыхание.

– Можете кое-что для меня сделать? – попросил он. – Загляните в кабинки... Просто загляните туда.

Феликс проверил все кабинки. Они оказались пустые.

– Поджигаем, затаптываем и валим, – сказал он.

Ника встала около дверей и прислушалась. Нэт вытащил пакетик с фальшивыми самокрутками, а Феликс полез в карман за зажигалкой.

– Упс... – произнес он. – Ромашка забрал зажигалку.

Нэт победно усмехнулся и вытащил из кармана коробок спичек из кафе «Лишние калории». Внутри были четыре спички. Он вздохнул с облегчением и одной из них поджег косяки.

– Фу... – Нэт разогнал рукой дым. – Кто бы думал, что обычный чай так воняет!

Они минуту подождали, потом кинули дымящиеся окурки на пол и затоптали. Нэт не знал, что делать с целлофановым пакетиком, поэтому положил в него коробок спичек и спрятал в карман.

Таинственное жужжание снова приближалось. Внезапно оно стало еще громче, несмотря на закрытые двери.

– Это уже на нашем этаже, – прошептала Ника.

Друзья побледнели, хотя в свете фонариков их лица и так казались почти белыми.

– О боженьки! – Нэт погасил фонарик и отступил к окну. – Это, наверное, какой-то урод с бензопилой. Может, жертва Эфтипи вернулась из прошлого, чтобы отомстить...

Феликс и Ника также погасили фонарики и с напряжением смотрели на двери. Казалось, звук раздавался сразу за ними. Это продолжалось бесконечно долго, наконец жужжание отдалилось и внезапно стихло.

– Это, скорее всего, не электрический инструмент, – прошептал Феликс.

– Я ощутила дуновение из-под дверей, – добавила Ника, – и запах... странный, отвратительный запах, но такой знакомый...

Но сейчас ничего нельзя было почувствовать, потому что чайный дым перебил все другие запахи.

– Оно ждет на середине коридора... – Нэт вцепился пальцами в подоконник. Его перепуганные глаза блестели в темноте. – Может, выйдем через окно, а?

– Это второй этаж, – напомнил Феликс.

– Тш-ш... – Ника приложила палец к губам. – Слышите?

Минуту они прислушивались.

– Что? – спросил Феликс.

– Он выключил телевизор.

В этот момент на ступеньках послышались шаги.

– Он тоже услышал звук, – прошептала Ника.

Они вошли в последнюю кабинку, встали на унитаз и закрыли защелку на дверях.

– Может, мы должны его предостеречь? – спросила девочка.

Никто не успел ничего ответить, потому что было уже поздно. Жужжание появилось за полсекунды до крика Сильвестра. Что-то твердое ударило об пол. Жужжание стало приближаться к Сильвестру, а сам Сильвестр, продолжая кричать, побежал вниз. Что-то прошло мимо дверей и проследовало по лестнице вниз. Они услышали стук двери позади вахтерки.

– Оно на первом этаже, – Нэт грубоватым голосом озвучил очевидное. – Я... не... пойду... вниз...

Они заметили, что держатся за руки. Отпустив руки, они вышли из кабинки.

– Нужно что-то придумать, – простонала Ника. – Мы не можем тут ночевать.

– В «Стар Треке» это было круто, – припомнил Феликс. – Достаточно коснуться коммуникатора и сказать: «Трое к телепортации». Мой папа всегда так говорит в кафе, когда нужно оплатить счет...

– У тебя нет никакой кибермухи? – Нэт с надеждой посмотрел на друга.

Феликс хлопнул себя по лбу:

– Кибермуху схватил паук, но у меня есть что-то другое.

Он полез в рюкзак и на ощупь начал в нем копаться. Сначала он вытащил пульт дистанционного управления с двумя джойстиком и парой переключателей, а потом маленький серый предмет.

– Новинка, – сказал он, поднимая на открытой ладони что-то, что выглядело как плоский йо-йо с прикрепленными с двух сторон колпачками от фломастеров. – Йо-йо-робот, моя собственная конструкция... из готовых деталей.

Они зажгли фонарики и присмотрелись к роботу. Колпачки в действительности были маленькими турбодвигателями. Спереди серого корпуса находился глазок камеры и два диода, а на сплюсненной спинке торчала антенна.

– Он лучше, чем кибермуха, может летать, а аккумулятора хватит на час полета, – похвастался Феликс. – У него есть маленький недостаток... – Он нажал кнопку на пульте управления, раздался свист, и маленький робот поднялся в воздух. – Он довольно громкий, но в этой ситуации это мало что меняет.

Друзья посмотрели на неподвижно висящего йо-йо-робота. Он удерживал равновесие, изменяя положение колпачков. Феликс подул на него, но робот не сдвинулся ни на миллиметр – только скорректировал свое положение резким наклоном.

– Только подумай, что мы могли бы создать, объединив усилия, – прошептал Нэт. Из-за восторга забыв, что все еще боится.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты мог бы сделать робота, а я написал бы программу, которая им управляла.

Их разговор прервало знакомое жужжание снизу. Феликс отцепил монитор от эндоскопа и прикрепил его к пульта управления.

– Я за универсальность, – пояснил он. – Один экран подходит ко всем приборам, один пульт управления работает со всеми роботами. Достаточно переключить частоту. Приоткрой двери, – обратился он к Нике.

Робот замигал диодами и шмыгнул сквозь щель в дверях, и Ника тут же их закрыла. Друзья склонились над маленьким монитором, а Феликс большими пальцами двигал рычаги управления. Робот полетел вниз, двигаясь немного быстрее, чем идущий человек. В слабом свете двух диодов он выполнил поворот, влетел в холл и завис на месте. В бок уходил коридор к приемной и кабинету доктора Таксы.

Феликс погасил диоды.

– Робот слишком маленький, чтобы вмонтировать в него прибор ночного видения, – сказал он и повернул робота, чтобы оглядеться. – Нет трехмерного изображения, а над трансмиссией звука я еще работаю... Пусть летит к вахтерке.

Нэт вытащил ноутбук и что-то стал проверять.

– Программа, что закликает картинку с камеры над задними дверями, все еще работает, – сказал он. – Но я все равно не буду спускаться.

Снизу снова донеслось жужжание, но тут же утихло. В этот момент йо-йо-робот добрался до вахтерки. Феликс аккуратно повернул рычаг, и робот завис перед стойкой.

– Загляну туда, – буркнул мальчик и начал медленно продвигать робота вперед.

Уже было видно кресло и часть пола. Еще парочка сантиметров... Что-то большое и черное вылетело из-за стойки и ударило в йо-йо-робота. Дети непроизвольно отскочили от монитора. Робот кувыркнулся в воздухе и выровнял полет только через пару метров.

– Оно летает, – отозвался Феликс. – Похоже на шлем Дарта Вейдера.

– У него были волосы, – вздрогнула Ника.

– Я видел какие-то лапы... как у пауков.

– Не продолжай... – прервала его Ника.

Феликс вывел йо-йо-робота на середину холла и огляделся. Никого не было.

– Следует объединить силы, – сказал Нэт, пряча ноутбук, – установить какие-то стандарты... Если бы Манфред мог хотя бы записать картинку с камеры... Мы бы уже знали, что это такое.

– Я уже догадываюсь... – буркнул Феликс и толкнул рычаг. Робот пролетел два метра над землей в направлении коридора, что вел к библиотеке и учительской.

На полу, под дверями учительской маячила какая-то тень величиной с небольшую собаку.

– Мы только что там были... – простонал Нэт.

Феликс включил диоды робота, и дети увидели блестящую зеленоватую, покрытую жесткой щетиной овальную фигуру. Она двигалась рывками, словно танцор в психоделическом видео. Дети вглядывались в это со смесью страха, отвращения и любопытства. Что-то мелькнуло с другой стороны странного объекта. Феликс приблизил изображение. Черный хоботок коснулся пола и поднялся, словно это был автоматический пылесос. На всей его поверхности были черные волоски, а сверху... непропорционально большие прозрачные крылья.

– Муха... – прошептал Феликс.

– Размером с курицу, – добавила Ника. – Она съела шоколадные крошки... Фуу...

– Бутлер, – выкрикнули они одновременно.

– Ну нет! – разозлился Нэт. – Мы его вытягиваем из передрыги, прикрываем, рискуем своей карьерой... а он просто... – Ему не хватило слов.

– А если он и паука накормил? – пискнула Ника, озираясь вокруг.

– Успокойтесь, – сказал Феликс. – Все же Бутлер не кретин. У него и так проблемы. Зачем ему вскармливать муху-гиганта?

– Чтобы у мухоловки была еда, – пояснил Нэт.

– Он не может ей купить свинину с косточкой?

– Он ее не кормил, – покачала головой Ника. – Муха, скорее всего, съела суперудобрение, которое рассыпала мухоловка. А это значит... что его мог съесть кто угодно.

Феликс посмотрел на экран – муха продолжала копошиться под дверями учительской.

– У меня идея... – сказал он медленно. – Мухоловка охотится на мух...

– О нет... – простонал Нэт, понимая, про что подумал его друг.

– Это единственный выход, – согласилась с ним Ника. – Класс биологии на этом этаже, так что все может получиться.

Они вышли из туалета и на цыпочках прошли весь коридор. Муха на экране оставалась на месте. Дети выглянули из-за угла. В двери класса биологии у пола зияла дыра.

– Вы уверены, что выпустить этого монстра – хорошая идея? – спросил Нэт.

– Если только ты сам хочешь стать ужином для мухи, – ответил Феликс. – Она выглядит очень голодной.

Когда они приблизились к двери, то увидели, что дыра была выпалена кислотой.

– Может, проскочим как-то в подвал? – не унимался Нэт.

– Знаешь, как кормится муха? – спросила Ника. – Она переваривает, прежде чем глотает.

Они посмотрели на монитор. Муха точно намеревалась очистить весь пол от малейших крошек шоколада. Она кружила по полу, каждый раз прижимая хоботок в новом месте.

– Я уже сам не знаю... – заколебался Нэт, – хочу ли, чтобы меня сначала пожевали, а потом переварили, или наоборот...

– Мухоловка прирученная, – резюмировала Ника и нажала на ручку.

Закрыто. Феликс вытащил универсальный ключ и засунул его в замок. Бутлер поставил специальный замок, открыть его было не так-то просто. Ключ жужжал и шелкал, у него были проблемы со сложным механизмом двери. Жужжание усиливалось. Нэт посмотрел на монитор йо-йо-робота.

– Ее нет! – воскликнул он.

Не прерывая работы, Феликс ближе придвинулся к двери. Нэт и Ника сделали то же самое. Ниша была слишком маленькой, чтобы они могли вдвоем там разместиться.

– Сколько еще? – пискнул Нэт.

– Не знаю!

Жужжание становилось громче. Муха была уже на втором этаже.

– Сделай что-нибудь... – попросила Ника.

– Выключите фонарики, – бросил Феликс.

Похоже, ключ не справился с замком, но они все равно не могли решиться на побег. Наконец черный волосатый монстр появился из-за угла. Друзья замерли в страхе. Муха была огромной и толстой. Ее полет был не слишком энергичным и напоминал полет тяжелого загруженного бомбардировщика, и даже звук был похож. На повороте ее брюхо, размером с мяч, порядочно занесло. По воздуху разнеслась сладковатая вонь помойки.

Феликс держал все еще работающий ключ, Ника спряталась за его спиной, а Нэт уже намеревался бежать. Муха летела прямо на них.

– Она видит в инфракрасном свете... Летит на тепло, – прошептал Феликс. Он выключил ключ и крикнул Нике: – К дыре!

Они включили фонарики, чтобы лучше видеть, для мухи это все равно не имело никакого значения. Девочка легла на пол и протиснулась под дверь. Мальчики помогли ей пролезть, потом просунули за ней рюкзаки и долю секунды смотрели друг на друга.

– Ты – первый, – решил Феликс. – Лезь! Быстро!

Они обернулись к мухе. Она находилась в нескольких метрах от них и уже начинала замедляться, опуская зад, как тяжелый транспортный вертолет. Нэт вскрикнул, упал на пол и без дальнейших колебаний полез в дыру. Феликс уже ощущал на своем лице сильные порывы ветра и чувствовал тошнотворный запах. В свете фонариков он видел шевелящиеся омерзительные волосатые лапки и хоботок. Его передернуло, и он быстро нырнул в дыру. Друзья затащили его в середину комнаты. Нэт перевернул ближайшую парту, чтобы заслонить дыру.

Они уже было успокоились, но Ника с визгом вскочила на стол Бутлера и уставилась на пол. Мальчики искали причину ее паники. Отблеск от стекол террариума запрыгал по стенам. В слабом свете маленьких фонариков класс не выглядел таким уж страшным. По крайней мере до того времени, пока Феликс не разбудил светом странную тварь. Несколько десятков разного размера глаз начали следить за детьми. Ника, к счастью, этого не заметила.

– Я видела какую-то тень, – объяснила она тихо, спускаясь на пол.

– Не видно никаких пауков... на свободе! – неуверенно сказал Нэт.

Присутствие других гигантских насекомых в классе было вполне вероятным.

В коридоре было слышно, как муха наматывала в воздухе круги и восьмерки. Будто газнокосилка или мопед. Для уверенности они заблокировали двери еще несколькими стульями и наконец перевели дыхание.

Они вошли в подсобку. Мухоловка была привязана к трубе. Она перестала воспринимать детей как еду. Она даже не шевельнула ни одним листочком, но явно обрадовалась, что кто-то к ней пришел.

– Слушай внимательно, – сказала медленно Ника. – Мы тебя сейчас отвяжем, – мухоловка рьяно закивала. – Не пытайся нас сожрать, и мы покажем тебе лучшее лакомство. Только ты должна пообещать, что потом вернешься, встанешь в том же самом месте и позволишь себя привязать. Согласна?

Мухоловка серьезно кивнула головкой. Ника заколебалась, но потянулась к шелковой ленте и развязала ее. Мухоловка двинулась к ней, но, как оказалось, только для того, чтобы обнять листочками. Так же она обняла и мальчиков. Нэт скривился. У него было такое впечатление, что мухоловка каждый раз сглатывает слюну, когда на него смотрит.

– Большая, толстая муха в коридоре, – сказала Ника и отодвинулась в сторону.

Мухоловка буквально выскочила из подсобки, рассыпая вокруг землю. Она отодвинула парту, открыла дверь и выпала в коридор. Жужжание набирало силы, муха, похоже, пыталась сбежать. Стук, ляп, стук, ляп слышалось в быстром темпе. Потом послышался грохот и наступила тишина.

– Неплохой прыжок, – оценил Нэт.

Судя по громкому чавканью, которое доносилось из коридора, охота закончилась успешно.

– Мне нехорошо, – с отвращением простонала Ника.

– Откуда эта мухоловка может знать столько сложных слов? – спросил Нэт. – Откуда она знает, что значит слово «муха»? Или «коридор»?

– Слышала, – ответил Феликс. – Она долгое время находилась с профессором.

– Нужно изменить оценки в школьной базе данных, – внезапно напомнил себе Нэт. Он вытащил из рюкзака ноутбук и включил его. – Помните, какие оценки были у Аурелии?

Феликс наблюдал за тем, что делает Нэт, но что-то было не так.

– Ты не соединил его с телефоном? – спросил он. – Как ты подключился к интернету?

– Недалеко есть компания, у которой слабо защищенная беспроводная сеть.

– И можно так просто зайти с улицы?

– Если ноут в зоне досягаемости, – Нэт пожал плечами. – Доступ к интернету намного быстрее, чем через мобильный, а они даже этого не заметят. Это как ездить «зайцем» на поезде без кондуктора...

– У меня просьба, – из динамиков компьютера отозвался Манфред. – Можешь перенастроить этот компьютер так, чтобы он не выключался после закрытия крышки? Я хотел бы знать, что вокруг меня происходит.

– Я экономлю энергию, – пояснил Нэт, одновременно копаясь в базе данных с оценками.

– Я сам займусь экономией энергии.

– Ладно-ладно. Напомни мне про это дома.

– Пользуясь случаем, я провел анализ того странного звука, который зарегистрировал микрофон, когда на минуту ты любезно соизволил меня включить.

– Откуда ты знаешь про звук?

– Программа ИИ учится всю жизнь. – На экране появился график с плавной синусоидой. – Это графическое представление того звука. – Из динамиков прозвучало знакомое жужжание. – А сейчас уменьшим частоту. – Волна начала сжиматься, словно пружина. Одновременно звук становился все выше, и жужжание полностью перешло в знакомое обычное жужжание мухи. – Я пришел к выводу, что это звук крыльев домашней мухи, известной также по латыни *musca domestica*. Экземпляр не превышает восьми миллиметров в длину. Эта, однако, выходя из анализа акустических волн, должна быть около сорока сантиметров и весить почти двадцать килограммов.

– Спасибо, – сказал Нэт. – Видели мы эту муху.

– Я хотел бы уточнить, что такая большая муха не может существовать.

– Мы видели ее, а ты провел анализ звуковых волн. Значит, она существует.

– Ты прав. Однако я знаю, что законы физики опровергают существование такого большого насекомого. Оно должно иметь очень большие крылья и было бы слишком неуклюжим.

В дверях появилась мухоловка. Она громко рыгнула и погладила себя по стеблю. Она вернулась босой, то есть без горшка – наверное, он распался во время прыжка. Растение было довольным, а на половине высоты стебля была видна отчетливая выпуклость. Мухоловка остановилась перед детьми, переступая с корня на корень.

– Ок, – Ника улыбнулась. – Сейчас мы это исправим.

– Пока, Манфред, – Нэт закрыл компьютер и спрятал его в рюкзак.

Дети сняли со стеллажа большой горшок и два мешка земли. Они подсунули мухоловке под нос упаковки. Растение прочитало состав земли, рекомендованное использование и выбрало одну. Через три минуты оно довольно осматривало новый горшок. Стук, ляп, стук, ляп – мухоловка вернулась на свое место возле окна, выровнялась и драматическим жестом указала на ленту, лежащую на столе.

– Это для твоего же блага, – извиняясь, произнесла Ника, и привязала растение к трубе.

– Честная бестия... – буркнул Нэт.

– Нужно еще отремонтировать двери.

– Нет круглосуточных бесплатных столяров?

Феликс оглядел подсобку.

– Найдите скотч, – сказал он.

Нэт и Ника даже не пытались понять, каким образом Феликс попробует отремонтировать двери, – они просто начали рыскать по шкафчикам. Феликс в это время вышел из подсобки в класс и снял со стены старый, выгоревший плакат, на котором были изображены фазы развития бабочки. Он отрезал полоски сверху и снизу и засунул их под приоткрытые двери, рисунком вверх. Нэт как раз вернулся с мотком скотча.

– О, – буркнул он. – Неплохая идея.

Феликс поднял половину плаката и прижал к двери, а Нэт приклеил его скотчем сверху и по бокам. Потом он сделал то же самое с другой стороны. Жесткая бумага закрыла дыру, превращаясь в нижний край двери.

– Дыра все еще там, – заметила Ника. – Ты не отремонтировал ее.

– Но ничего же не заметно. На парочку дней пойдет, а потом это дело утихнет. Можем возвращаться.

– А Сильвестр? – вспомнил Нэт.

– Наверное, он уже закончил забивать досками свои двери.

Они попрощались с мухоловкой, все закрыли и пошли в сторону лестницы. Последний отрезок коридора выглядел так, словно там разбился самолет, перевозящий грязь. Но дети не могли это убрать. Когда они были на первом этаже, Феликс схватил неподвижно висящего в воздухе йо-йо-робота и отключил его. Они выглянули в холл – двери вахтерки были закрыты, но из-за них доносился звук телевизора.

– Чувак привык к трудным условиям, – прокомментировал Нэт.

Через две минуты они уже стояли на тротуаре возле задней калитки. С безоблачного неба через лунное сияние пробивались звезды.

– Позвоним завтра после школы Виктору, – сказал Нэт. – Он точно будет в курсе, получилось ли.

– А твой папа тебе поверил? – спросила Ника.

– Сказал, что верит... – Нэт пожал плечами. – Может, и так... Старики странно себя ведут в последнее время. Поцелуйчики, держатся за ручки, и тому подобное. Словно им... по двадцать.

– Разве это плохо?

– Нет, если ты не живешь с ними...

4. Презентация

Хеленка лучисто усмехнулась, захлопала ресницами и замахала руками с сохнувшими ногтями.

– Добрый день, – поздоровался папа Нэта. – У нас назначена встреча с директором.

– Ах да... – Хеленка посмотрела на двери кабинета, на интерком и наконец на свои ногти. – А вы не могли бы...

– Ну, конечно, – папа очаровательно улыбнулся, склонился над столом и нажал на красную кнопку.

– *Да, дорогуша?* – раздался из динамика голос директора.

– Пришел господин Белецкий, – секретарша улыбнулась еще обворожительнее. – Он договаривался с вами... на девять.

– Что? Ах да... Я, должно быть, забыл... Проси...

– Вы можете нажать на ту маленькую черную кнопку?

– Что нажать...

Папа Нэта нажал на черную кнопку. Хеленка улыбнулась с благодарностью и провожала его восторженным взглядом, пока он не закрыл за собой двери.

– Добрый день, – сказал папа Нэта слегка ошарашенному директору. – Я хотел бы узнать больше о деле Нэта и его друзей. Я все обдумал, и мне кажется, что они ничего не курили.

– Прощу, садитесь, – предложил директор.

В этот момент зазвенел интерком.

– Слушаю, дорогуша?

– Господин директор, – раздался искаженный интеркомом голос Хеленки. – Тут госпожа Пумперникель. Говорит, что она снова нашла... в туалете три окурка... эти, ну... косячки.

Ромашка посмотрел с неожиданным смущением на Белецкого-старшего.

– Да, да, – сказал он в динамик. – Это очень хорошая... то есть плохая новость. Удивительно... да... это лучшее решение. Большое спасибо...

– Пумперникель говорит, что это не могли быть те же самые ученики, которых вы обвинили, потому что они не ходят в школу. Говорит также, что... «надеется», что вы найдете тех, кто действительно курит.

– Спасибо, Хеленка! – Директор чрезмерно сильно нажал на кнопку отключения и надул щеки. Он не мог поднять глаза.

– Вы не думаете, что это совпадение? – вежливо спросил папа Нэта.

– Гм... да... – Директор играл ручкой. – Думаю, мы можем... забыть про это дело о курении. Да... я вычеркну это дело... А касательно оценок в журнале, то педсовет соберется завтра.

Снова зазвенел интерком.

– Да-а-а?! – Директор нажал кнопку.

С другой стороны минуту была тишина.

– А-а-а... пришел господин Эфтипи по... этому делу, – донеслось из динамика.

– Приси.

– Вы можете зайти. Можете нажать еще ту черную кнопку?

– Что я должен наж...? – спросил директор, но закрыл рот и отсоединился. – Красотка... – буркнул он под нос.

В комнату зашел Эфтипи, и вместе с ним залетела резкая вонь лака для ногтей.

Папа Нэта и не думал уходить.

– Я случайно услышал про какой-то разговор... – Он повысил голос.

– Вы, наверное, незнакомы, – сказал директор. – Господин Эфтипи, господин Белецкий, отец Нэта Белецкого.

Мужчины пожали руки.

– Сын много про вас рассказывал, – папа Нэта широко улыбнулся.

Эфтипи с подозрением глянул на него.

– Правду говоря, Нэт не слишком преуспевает в информатике, – медленно произнес он. – Я стараюсь приобщить молодежь к тайнам современных технологий, чтобы они не потерялись в компьютеризованном мире. Нэт немного не справляется, поэтому может быть слегка предвзятым в моей оценке.

– Я читал вопросы с последнего теста... – сказал Белецкий. – Оригинальные, но признаю, что мне лично никогда не казались необходимыми знания про сопротивление DVD диска к сгибанию. Вы задали детям высчитать...

Эфтипи пошевелил бровями и с высокомерной усмешкой произнес:

– Такие сведения не нужны людям не из отрасли информационных технологий. Я не знаю, чем вы занимаетесь...

– Я программист.

– Ах...

Стало тихо.

– Так вы хотели поговорить... – отозвался директор, косясь на Белецкого, который продолжал сидеть.

– Я думаю, мой педагогический талант, – начал Эфтипи, гордо выпрямляясь, – вместе с... солидным профессиональным опытом в данной сфере, позволяет мне достучаться до молодежи и заставить их... задуматься над смыслом их... деяний.

Папа Нэта подавил зевок. Он взял лист бумаги и нарисовал вертикальную и горизонтальную ось. Ромашка и Эфтипи смотрели, как он рисует деления оси и вписывает значения. Наконец он начертил кривую линию и поднял свой чертеж.

– Я не хотел бы вмешиваться, но этот график показывает эффективность разговоров, – сказал он. График спускался вниз, и в конце должен был коснуться нижнего края бумаги. – Как вы видите, после более или менее трех минут наступит «средлекционное расслабление», то

есть половина слушателей утратит интерес к ведущему. Через десять минут его будут слушать от силы десять человек.

– Мое личное мнение, – не сдавался Эфтипи, – что очень важно передать ученикам э-э-э... полные знания по этой теме, с точными статистическими данными за период последних двадцати лет. Учителя могут следить за внимательностью учеников. Я приготовил около восьмидесяти слайдов с графиками и чертежами, касающимися проблемы наркомании и ведущих фигур...

– Все заснут после просмотра первого десятка, – заметил папа Нэта.

– Я предвижу это, – Эфтипи загадочно усмехнулся. – Я прекрасно разбираюсь в компьютерной графике, поэтому приготовил разнообразное графичное оформление. Каждая схема анимированная, колонки появляются по очереди, а цвета меняются очень динамично. Дополнительно каждой теме соответствует свой фон и звук. Да, мультимедиа – это большой шаг в развитии человечества!

– Давайте проясним, – предложил Белецкий-старший. – Главное для вас показ этих восьмидесяти слайдов или, может быть, вы хотите, чтобы кто-то запомнил их?

– У вас нет опыта работы с молодежью.

– Мой сын учится в этой школе, поэтому меня интересует, как школа пытается решить проблему с наркотиками. Также я знаю, как взрослые реагируют на длинные презентации.

– Я вычислил, сколько времени нужно, чтобы рассказать про самые важные вопросы, – Эфтипи все больше заносило. – Сорок пять минут минимум, чтобы кто угодно относился к проблеме серьезно. Именно биографическая справка...

– К чему тут биографическая справка? – перебил учителя папа Нэта. – Как это связано с темой?

– Э-э-э... – Эфтипи начал подбирать аргументы. – Мы должны уважать...

– За два дня я подготовлю короткую, динамическую презентацию, – объявил папа Нэта. – Таковую, на которой никто не заснет.

Ромашка был явно нетерпелив.

– Отлично! Господин Белецкий представит свой материал, – сказал он, – а господин Эфтипи подготовит проектор и смонтирует всю презентацию.

– У меня есть доступ к оборудованию последнего поколения, – с улыбкой произнес папа Нэта. – И лучше я сам закончу эту презентацию. Так я смогу адаптировать ее под свой проектор.

– Хорошо, так и сделаем, – Ромашка уже был сыт этим разговором. – Господин Белецкий подготовит презентацию, но начнет ее с показа твоих слайдов, – он посмотрел на Эфтипи. – После них добавит свой материал.

– Но будут показаны все мои слайды, – отметил Эфтипи с выражением лица, словно кто-то собирается угнать у него автомобиль.

– Ок, – папа Нэта снова улыбнулся. – Покажу их все до одного.

Снова зазвенел интерком. Директор встал и нажал на кнопку.

– Пришел господин Четверг с тем журналом «1-А», – начала Хеленка. – Эти исправленные оценки...

– Ничего больше не говори! – оборвал ее директор. – Я выйду к нему.

– Не нужно, – сказал Белецкий, вставая. – Мы, собственно, уже уходим.

Разозленный Эфтипи двинулся к дверям.

* * *

Через два дня папа Нэта подъехал к школе перед началом первого урока, подвозя Феликса, Нэта и Нику.

– Этот Эфтипи ужасный сноб, – сказал он, снимая очки и потирая глаза. – Потому я сам предпочел закончить презентацию. Из-за этого я мало спал.

Дети помогли ему вытащить из багажника старого «Сааба» сумки с аппаратурой.

– Он глубоко убежден в своей гениальности, – сказал Нэт. – У него нет идей для интересных уроков, поэтому он заставляет нас зубрить дурацкие... не знаю что.

– Была у нас в начальной школе очень амбициозная учительница литературы, – произнес папа. – Она заставляла нас учить наизусть фрагменты произведений польских писателей и поэтов: Мицкевича, Словацкого, Пруса, Ожешко и других... Проверяла, как мы запомнили все мелкие подробности описания героев, природы, кто с кем был в родстве, какие имел взгляды – короче, все. Ночами я сидел и мучил очередной том.

– Вы много знаете, – заявила Ника.

Папа Нэта покачал головой:

– Я уже ничего не помню. Я ненавижу польскую литературу – единственное, чего добились наша учительница. Еще немного – и я вообще перестал бы читать. Эта учительница воспитала два поколения, у которых точно нет в доме ни одной книжки... Идемте. Мне нужно несколько минут, чтобы все установить. – Он указал на серебряные чемоданы, стоящие на тротуаре. – Папа Феликса одолжил мне записывающую аппаратуру и проектор последнего поколения. Все это из его института.

Они схватили чемоданы и понесли в спортзал, где уже собирались учителя и ученики в ожидании очередной нудной лекции. Установка аппаратуры заняла три минуты.

Наконец упали роллеты, погружая зал в полумрак. Папа Нэта, одетый в прекрасный черный костюм, черную рубашку и темно-серый галстук, вышел на середину зала. В руке он держал маленький пульт управления. На лацкане пиджака у него был маленький беспроводной микрофон.

– Конечно, вы присутствовали на многих таких встречах, – начал он, и его усиленный голос доносился со всех сторон. – Они были очень нудными, и вам казалось, что они тянулись часами. Наш показ займет не более чем пять минут.

– Должно было быть сорок пять минут, – прошипел с беспокойством Эфтипи, наклоняясь к директору. – Именно мои графики...

Ромашка жестом успокоил его.

– Вам показывали ничего не говорящие графики, – папа Нэта нажал на кнопку пульта.

Все приготовленные слайды Эфтипи пронесли на экране, мигая один за другим. Продолжалось это две минуты, после чего экран погас. Эфтипи заскрипел зубами, бубня под нос какие-то проклятия.

– Перед вами выступали люди, которые под конец лекции не помнили, каким было ее начало. – Голос господина Белецкого разносился по всему залу.

На экране появился бледный свет, на фоне которого звучала легкая музыка. Ученики сидели с открытыми ртами.

– Но жизнь – это не чертежи и лекции.

На экране на долю секунды появился темный туннель. Все дрогнули, даже учителя. Некоторые пытались притвориться, что это не произвело на них никакого впечатления, но было слишком темно, чтобы хоть кто-то это заметил.

– Жизнь – это единственное, что у нас есть. Самое ценное, но она зависит от нашей воли.

Снова темный туннель, какие-то трубы тянулись вдоль стены. Камера двинулась, словно показывала картинку, которую видят глаза идущего по туннелю человека. Как в компьютерной игре. Фильм начал медленно выходить с экрана, хотя вначале это казалось иллюзией.

– Мы сами решаем, как пройдет наша жизнь. Сами делаем выбор, и не верьте, если кто-то говорит вам, что все по-другому.

Картинка перепрыгнула, показывая альбом с фотографиями. Теперь презентация происходила не на экране, а перед ним. Голографический альбом висел в воздухе посреди зала. Он был размером с человека, но никто это так не воспринимал. Папа Нэта отошел в тень и скрытно нажал на кнопку пульта. Альбом открылся, внутри были черно-белые снимки класса. На одной фотографии было два мальчика, она поднялась над альбомом.

– Это я и мой лучший школьный друг. Его зовут Кристиан.

Фотография исчезла, в альбоме несколько страниц перевернулись, и выскочило следующее фото: два мальчика сидели в лодке. Потом еще несколько фотографий. Те же мальчики, только старше: в зоопарке, на каникулах, в бассейне, обнимающие смеющуюся девочку.

– Мы дружили много лет, – продолжал папа Нэта, его голос усиливался благодаря динамикам. – Мы строили большие планы. Хотели основать собственные авиалинии, открыть свой отель, потом решили, что будем выпускать гоночные мотоциклы.

Снова выскочила картинка туннеля, вместо музыки был слышен глубокий вздох.

– Потом появилась мода на курение разных... Мы начали курить.

– От курения травки ничего плохого не случится, – раздался чей-то голос из зала.

Сзади, где сидели учителя, случился небольшой переполох. Кто-то попытался прервать презентацию, чтобы найти автора этих слов. Но все внезапно утихло.

– Может, сегодня это нехорошо, – сказал Белецкий, – но тогда мой отец устроил мне такую взбучку, что она отбила у меня охоту курить даже обычные сигареты. И хотя я не применяю такие методы к моему сыну, – слушающий в напряжении Нэт покраснел, – сегодня я безмерно благодарен своему отцу.

Путешествие через голографический туннель продолжалось. Становилось светлее, можно было разобрать предметы, что лежали на полу: разбитые бутылки, порванную одежду, сломанную магнитолу и грязные газеты. Вдруг камера ускорила и наехала на худой, сгорбленный силуэт человека. Туннель исчез, тощий мужчина, все еще скрытый в тени, казалось, лежал сейчас на полу спортзала. Папа Нэта подошел к нему. Фон плавно перешел в большую зеленую лужайку, которая покрыла пол, доходя до ног первого ряда учеников. Было видно мост Грота и трубы Жераньской электростанции, над которыми висели тяжелые облака.

– Какое-то время назад я встретил Кристиана совершенно случайно на улице, – продолжал папа Нэта явно взволнованным голосом. – Я едва узнал его. Я решил посетить место, где он сегодня живет, и проверить, сколько осталось от наших мальчишеских мечтаний.

Кристиан сделал несколько шагов. Он выглядел не на сорок, скорее на шестьдесят лет. Видно было, что он слишком худой, и прогулка пешком дается ему с трудом. У него была потертая грязная куртка и брюки, в которых невозможно было распознать форму его костлявых ног. Одежда висела на нем как на вешалке. Он дрожал и пытался что-то сказать, но с его губ слетала какая-то тарабарщина, из которой можно было разобрать только отдельные слова.

– Наверное, вы думаете, зачем я показываю его в таком месте? – спросил папа Нэта, обращаясь к публике. – Сейчас Кристиан живет именно тут, вместе с другими людьми, с которыми жизнь обошлась неласково.

Кто-то начал смеяться, но его быстро успокоили. Камера двинулась вперед, опустилась над лужайкой, потом поднялась над круглыми металлическими люками, сдвинутыми с воздуховодов. Нырнула во мрак одного канала, у всех закружилась голова. Камера опустилась вниз, поднялась над полом и снова показала туннель с трубами вдоль стен. В нескольких местах вырывался пар, на влажном полу валялся мусор. Через несколько секунд трехмерного путешествия камера достигла расширения туннеля. На грязных подстилках, между картонными ящиками, лежали несколько человек. Кто-то сидел в углу, кивая без причины, завернутая в одеяло женщина слушала радио. Кто-то стонал, но было темно, чтобы рассмотреть, кто именно. Одетый в лохмотья мужчина шаркал и тянул за собой тележку с кривыми колесами.

Картинка вспыхнула и вернулась на поверхность. Кристиан начал всхлипывать и протягивать руки. Никто в зале не произнес ни слова. Наконец картинка побледнела и исчезла.

– Я хотел бы, чтобы Кристиан что-то рассказал от себя, – тихо пояснил Белецкий, – но он не смог сказать ни одного предложения. Я не утверждаю, что он всегда так выглядел. Но это один из возможных вариантов конца его истории, начатой невинным курением в школьном туалете.

Роллеты на окнах поднялись, спортзал залил яркий солнечный свет. Ученики все еще сидели неподвижно, всматриваясь в уже пустое место после голографической презентации. Через некоторое время все начали вставать и переговариваться. Прошло несколько минут, ученики двинулись к выходу. Только 1-А остался, сгруппировавшись вокруг Аурелии.

– Я считаю, что заставлять детей смотреть на что-то подобное, – это скандал, – отозвалась Константинопольская.

– По-вашему, лучше притвориться, что таких проблем нет? – спросил Четверг. – Лучше, чтобы они сами когда-нибудь испытали это?

– Он издевался над тем бедным человеком. Выставил его на посмешище.

– Для предостережения, а не на посмешище, – отозвался господин Белецкий, останавливаясь рядом.

– Вы нашли этого бездомного и использовали его для пикантности в своей презентации!

– Это правдивая история. Этот человек был когда-то моим лучшим другом. Сейчас от него осталась только развалина. Он согласился на участие в этой презентации, чтобы предостеречь других от такой судьбы.

– Я готовил эти слайды много часов, – прошипел Эфтипи. – А вы лишили детей доступа к такой важной информации, и к тому же вы выказали непочтение к человеку, чья биография тут пролетела...

– Поздравляю, прекрасная презентация, – перебил его Четверг, пожимая руку господину Белецкому. – Это произвело огромное впечатление на детей.

Эфтипи фыркнул и демонстративно вышел из спортзала. Констанция Константинопольская только сжала губы в тонкую линию и прищурила глаза.

– Да... Действительно. Именно это нам и нужно было, – признал сейчас Ромашка. – Большое спасибо.

– Еще одно... – Папа Нэта понизил голос, уводя директора в сторону. – Уже известно решение педсовета по поводу этих исправленных оценок?

– Мы уже забыли про это, – Ромашка замахал руками. – Это мелочи, на самом деле ничего же страшного не случилось.

– Но педсовет...

– Нет-нет... Это прошлое... Уже все в порядке... Не думайте об этом. Завтра в восемь они должны быть на уроках.

Он пожал руку Белецкому и быстро отошел.

Друзья, сидевшие в самом конце спортзала, с облегчением вздохнули.

– Похоже, мы выкрутились, – тихо произнес Нэт. – По крайней мере, если судить по физиономии Ромашки.

– Ну мы же суперкоманда! – усмехнулась Ника.

– Мы забыли о самом важном, – напомнил Феликс. – С нас не сняты обвинения, мы только... уничтожили доказательства в деле оценок, а в деле окурков... просто подбросили фальшивые. И мы правы.

– Это не имеет никакого значения, – ответил Нэт. – Еще не научился?

– Мне не нравится такое решение проблем... Ламберт нас перехитрил, а мы сделали то же самое с директором.

– Не беспокойся, через двадцать лет Ламберт все равно будет таким же мелким пронырой, как сказал бы мой папа. – Нэт задумался на минуту. – Всегда можно сделать что-то в таком же духе. Подставим его так же, как он нас.

– Не хочу опускаться до его уровня.

– Я тоже, – отозвалась Ника. – Отплатим ему при случае... более интеллигентным способом.

Господин Белецкий закончил складывать аппаратуру и подошел к Феликсу, Нэту и Нике.

– Похоже, что, – он взъерошил волосы Нэта, – ваши проблемы разрешились.

– Это классно, папа, – ответил Нэт, – но теперь мне не будет жизни на информатике.

– Да уж. К сожалению, ты умнее своего учителя. Он не может поставить тебе ничего ниже тройки, потому что у тебя в голове все то, что он проверяет по учебнику.

– Поэтому мне и не будет жизни!

– Большое вам спасибо, – улыбнулась Ника.

– А... и самое главное, – напомнил себе папа. – Мы должны были сегодня встретиться с мамой Феликса, чтобы обсудить проблему, которая, собственно, сама уже разрешилась. Но ресторан уже зарезервирован, поэтому мы можем встретиться, чтобы отпраздновать этот успех. Как вам такая идея?

– Класс! – обрадовался Нэт. – Я уже давно хотел настоящую пиццу!

– Это будет не итальянский ресторан, – папа загадочно улыбнулся. – Это будет сюрприз, и, пользуясь случаем, – он посмотрел на Нэта, – мы с мамой хотели бы тебе сказать что-то важное.

– И что это за ресторан?

– Феликсу он точно понравится.

– Это такая подсказка! – Нэт прищурился. – Феликс, что ты любишь?

– Может, придешь с папой? – обратился Белецкий к Нике.

– Нет, спасибо... Он допоздна работает, – она отвела глаза в сторону.

Папа Нэта улыбнулся, схватил два чемодана и вышел из спортзала. Аурелия только этого и ждала, потому что сразу же подошла к троице.

– Поскольку вы не наркоманы... – Она мило улыбнулась Нэту, захлопала ресницами и перевела глаза на Феликса, но Нику не удостоила взглядом, – то я могу пригласить вас на мой день рождения.

Она вручила им три маленьких конвертика цвета экрю⁴, еще раз улыбнулась Нэту и вернулась к разговору с Клаудией. Нэт открыл свой конверт, вытащил приглашение и чихнул.

– Это парфюмерные конверты, – объяснила Ника, подозрительно разглядывая свое приглашение.

– Парфюмерные?! Зачем?

– Вспотели, что ли? – подхватил стоящий в нескольких метрах от них Оскар. Он тоже с подозрением разглядывал свое приглашение. – Серьезно? Кто-нибудь слышал, чтобы конверты потели?

– Дело не в этом... – простонала Ника, но сплетня пошла уже дальше.

– Слышали, эти конверты вспотели? – закричал Ламберт.

– Поэтому они парфюмерные, – резюмировал Люциан, нюхая свой.

К счастью, Аурелия уже вышла из спортзала и не слышала эти разговоры. Ника перевела дыхание и тихонько прочитала. Буковки, которыми был записан стишок, были так лихо закрычены, что их трудно было разобрать:

⁴ Экрю – оттенок бежевого цвета.

В этот необычный день
Пусть ни на кого не падает тень.
Закончилось четырнадцать лет,
Передо мной широкий и прекрасный свет.
Будет прием, о каком мечтают друзья.
У себя увидеть вас рада буду я.
Будем петь и плясать как можно дольше,
Принесите подарков побольше.

– Новый Шекспир родился, – буркнула Ника.

– А что означает «РСВП» и номер телефона? – спросила Целина.

– Это означает, что хозяйка просит, чтобы ты подтвердила, что придешь, – объяснил Виктор. – Если ты не подтвердишь, то потом тебя не впустят.

Феликс, Нэт и Ника поднялись на чердак, в свою штаб-квартиру, чтобы насладиться решением своих проблем.

– Прием... – скорчил гримасу Нэт, падая в кресло. – Не люблю это слово. Ассоциируется у меня с каким-то домашним насекомым. Домашняя блошка. «Вечеринка» звучит лучше.

– О! Она приготовила список подарков, – заметила Ника и прочитала примечание внизу приглашения: «Список подарков находится в магазине парфюмерии „Аромат“».

– Это что, покупать ей подарки можно только в этом магазине? – удивился Нэт. – А если у кого-то уже есть подарок?

– Мы же только что получили приглашения...

– Я нашел бы что-то соответствующее на дне шкафа... У меня есть список ненужных вещей, которые можно использовать для подарков. Ладно, сходим в этот «Аромат» прямо сегодня, потому что все начнут покупать самые дешевые подарки в списке. Мы купим что-то большое, чтобы можно было всем троим подписаться под одной коробкой.

Друзья чувствовали себя счастливыми. Проблемы исчезли, не считая нескольких контрольных перед каникулами, они с оптимизмом смотрели в будущее. Теперь можно сидеть в старых креслах и размышлять о самых приятных вещах. Солнечный свет проникал через низкое окно, рисуя на полу два полукруга, мерцающая в поднятой пыли. На чердаке было тепло – крыша нагрелась от весеннего солнца.

– Вы думали о каникулах? – спросил Феликс.

– До них еще целый месяц, – Нэт лениво отмахнулся.

Ника вздохнула:

– Вы же знаете, что у меня...

– Знаем, – сказал Феликс. – И собственно, в связи с этим у меня кое-что есть для тебя.

Он вытащил из шкафа металлический предмет, который напоминал большой тостер с несколькими углублениями. Потянулся к карману куртки Ники и вытащил оттуда желтую ручку. Разобрал ее и поместил каждую часть отдельно в «тостер». Он нажал кнопку сбоку, и машина затрещала.

– Дай угадаю... – начал Нэт. – Это машинка, чтобы перемалывать ручки? Незаменимая вещь на каникулах.

Вновь собранная ручка выскочила из боковой щели в машинке. Ника с удивлением смотрела на ручку, потом перевела взгляд на Феликса.

– Ты помещаешь одну часть ручки сюда, – Феликс указал на узкий приемник. – За раз помещается пятьдесят частей. Вот сюда опускаешь вторую часть ручки: тут пружинки, тут кнопки, а тут вкладыши. Производительность машины более сорока ручек в минуту.

– Я собираю пять в минуту, – Ника посмотрела на свои пальцы. – Сначала, потом идет медленней.

– Как это «собираешь»? – удивился Нэт. – Зачем собираешь? Я думал, ручки собирают на фабрике.

– Я собираю их из частей, до того как они попадают в магазин, – объяснила Ника, краснея. – Платят копейку за штуку.

– Ты работаешь! – удивился Нэт и быстро прикинул в уме: – Это три злотых в час. Можно и с голоду умереть.

– Десять злотых в день, – призналась Ника. – Могу работать только по вечерам. Возвращаюсь из школы, забираю детали, а утром, по дороге в школу, завожу готовые ручки.

– А разве можно трудоустроить на такую работу кого-то в нашем возрасте?

– Я говорю им, что это для бабушки...

– Теперь тебе придется придумать новую отмазку, – сказал Нэт, – например, что у твоей бабушки выросла вторая пара рук, или что к ней подружки приходили, или еще что-то... – Он на минуту задумался и добавил: – Теперь ты будешь зарабатывать двадцать четыре злотых в час. Это уже совсем неплохо!

– Спасибо, – прошептала Ника, глядя с восторгом на аппарат. – Может, даже заработаю на каникулы...

– Было бы супер, если бы мы могли поехать все вместе, – признал Нэт. – Родители тянут меня в Грецию, но я хотел бы поехать с вами. Если только вы не желаете от меня отдохнуть.

– У меня нет желания от тебя отдохнуть, – с улыбкой сказала Ника.

– И у меня, – добавил Феликс.

– Мне скучно будет без вас, – сказала девочка. – Мы должны что-то сделать, чтобы поехать вместе.

– Это значит, что вы еще плохо меня знаете, – Нэт улыбнулся и взял машинку. – Знаешь, лучшим вариантом был бы универсальный робот? Такой, с бортовым компьютером?

– Знаю, – признался Феликс. – Эта машинка может собирать только этот один вид ручек.

– Другой модели не будет, – сказала Ника. – Это конец, фирма закроется до каникул. Китайские ручки в три раза дешевле, даже с учетом перевозки.

– Но мы могли бы попробовать сделать робота и просто так, – не унимался Нэт. – Пригодится для чего-нибудь другого... А что вы делаете на выходных? Мы могли бы выбраться на маевку, или, как еще говорят, на пикник...

– Сейчас апрель, так что скорее это апрелевка, – ответил Феликс. – Но я все равно не могу – мама повезет меня к папе. Сама она едет на конференцию в Познань, а бабушка Люся в санатории. Она плохо себя чувствует последнее время. Родаки считают, что я не могу остаться дома один.

– Тебе четырнадцать, а они все еще считают тебя ребенком! – возмутился Нэт. – В конце концов можешь перекаптоваться у меня. Мои согласятся.

– Папа проводит там исследования... – напомнил Феликс. – Может, и мне что-то покажет.

– А-а-а... – Нэт потер руки. – Ну конечно, я забыл! Езжай, а потом все нам расскажешь. Загадочное исследование...

Ника больше их не слушала. Она с недоверием крутила в руках машинку для складывания ручек и вся сияла от счастья.

5. Неожиданная новость

После школы они помогли Нике отвезти машинку домой. На ступеньках они встретились с почтальоном.

– О, госпожа Мицкевич, – обрадовался он. – Как обычно, твоего отца нет дома. У меня для него письмо.

Ника любезно улыбнулась, расписалась в получении и взяла конверт. Как только они вошли в квартиру, мальчики тут же поставили машинку на стол и включили в розетку. Первый тест прошел на «отлично». В течение минуты они сложили пятьдесят ручек.

– Она работает в десять раз быстрее, чем я, – Ника захлопала в ладоши. – Я заработаю на отличные каникулы!

– И пусть корона не давит, – пошутил Нэт.

– Это мне не грозит, – сказала она, показывая им письмо. – Мне повысили аренду.

– На тридцать злотых, – Нэт не выглядел расстроенным.

– Во столько в месяц обходятся мне завтраки...

– Заработаешь, – успокоил Нэт Нику. – Пойдем за подарком.

* * *

Через час они стояли перед парфюмерным магазином «Аромат» на оживленной аллее торгового центра.

– Пахнет дорого, – заметил Нэт.

Они прошли по мягкому красному ковру между стеллажей с цветными бутылочками, флакончиками и баночками. Их окутал ошеломляющий, необычайно изысканный аромат десятков дорогих духов. Тут кружили несколько особ, почти все женщины. Складывалось впечатление, будто они действительно знают, для чего нужны все эти жидкости, гели, крема и спреи.

Друзья подошли к кассе, скрытой в глубине магазина, и попросили список подарков для Аурелии. Милая темноволосая девушка подала им листок и сказала:

– Вы первые.

По мере прочтения глаза Феликса и Нэта становились все больше, зато Ника смотрела на это с отвращением. Список подарков был следующим:

- шампунь с лепестками индийского хвоща;
- бомбочки для ванны с вытяжкой из винограда (в количестве 12 штук);
- пилинг для ног с дуо-комплексом гауда;
- кондиционер из голубых ямайских помидоров от секущихся кончиков ресниц;
- супербыстрый крем для глаз, новинка, с оксидом азота;
- блеск для носа, сужающий поры, с витаминным глюкокомплексом;
- бальзам для тела из гренландской розы;
- средство для снятия лака с натуральным бета-копытином;
- лак для волос с улучшенной бьюти-спируллиной;
- увлажняющий крем в лейке для ушных раковин;
- тоник для красивой кожи, настоенный на соке нарцисса;
- помада со стальной магнолией против подростковых морщин.

– Даже не знаю, для чего нужно большинство из этих штук, – признался Нэт. – Знаю только, что в Гренландии не растут розы.

– Это все нужно для того, чтобы прекрасная Аурелия была еще прекрасней, – сказала Ника. – Хорошо, что в списке нет ванны с гидромассажем.

Они пошли мимо витрин в поисках бомбочек для ванны и нашли их возле выхода.

– Внимание! В магазин зашли Целина с Зосей, – заметил Феликс.

– Хорошо, берем эти бомбочки. – Нэт схватил прозрачную коробку для подарка и начал пересыпать в нее содержимое ближайшего контейнера.

Ника забрала у него коробку, высыпала все обратно и выбрала по одному шарик у каждого вида.

– Ну да, ты права, – Нэт дотронулся до висков, словно хотел удержать какую-то мысль. – Так мы не будем выглядеть простаками.

Внезапно его окутало облако тяжелого аромата.

– Меня сейчас стошнит... – застонал Нэт, оглядываясь.

Стоящая рядом женщина набрызгала на себя очередную порцию парфюма и вернула флакончик на полку.

– Я могу вам помочь? – спросила продавщица, которая подала друзьям список.

– Нет, спасибо, – ответила женщина и быстро вышла.

– Она украла немного духов! – заметил пораженный Нэт. – Выбрызгала на себя полбутылки.

– Она притворяется, что выбирает духи, – объяснила девушка. – Приходит каждый день и душит так, что вянут цветы в холле.

– Ворует. Это как если бы я приходил сюда и регулярно мыл голову, притворяясь, что выбираю шампунь.

– Упаковать ваш подарок? – Девушка указала на коробку с бомбочками.

– Да! Но так, чтобы это было похоже на что-то другое, – попросил Нэт.

Девушка улыбнулась ему и открыла шкафчик с ленточками. Через минуту они получили то, что выглядело как подарок для английской королевы. Они заплатили, поблагодарили и направились к выходу, где Целина и Зося рассматривали коробку с бомбочками.

– Слишком поздно, – Нэт показал им коробку с суперфантастическими бантиками. – В списке осталось только джакузи.

Девочки открыли рты от удивления, но Целина, догадавшись в чем дело, начала громко смеяться. Зося промолчала – не восприняла шутку или она показалась ей несмешной.

– Знаете, что я подумал? – начал Нэт, когда они уже шли в направлении выхода из торгового центра. – Даже если прекратят производить те ручки, то всегда будет что-то подобное. Мы могли бы основать свою фирму. Ника будет иметь дело с товаром, ты будешь конструировать роботов, а я буду... я буду все координировать.

– Смотрите! – выкрикнула Ника, указывая на витрину киоска с прессой. – На первой странице «Сенсационной хроники» написали про Бутлера. Мы совсем про него забыли...

– Наверное, мухоловка все же кого-то сожрала, – простонал Нэт, – и директор хочет скрыть это от наших родителей! Это провал, мы ему не поможем...

Феликс улыбнулся, вошел в киоск и купил газету. Нэт с Никой встали возле него и прочитали заголовок: «Самая хорошо оборудованная биологическая лаборатория в Варшаве». Ниже была фотография их школы и ссылка на третью страницу. Феликс нашел статью. Они увидели большой репортаж с несколькими фотографиями профессора и его лаборатории. «Ученики гимназии имени Стефана Кушминского не учатся по картинкам. Благодаря стараниям профессора Зенона Бутлера они могут познавать природу, наблюдая за живыми образцами фауны и флоры. Директор школы, магистр-инженер Юлиуш Ромашка, хвалит биолога за уровень обучения и безграничную заботу о содержании всего этого зверинца...»

– У тебя получилось, – кивнула Ника. – Бутлер может быть спокойным за своих зверюшек.

– Дело стоит доводить до конца, – пояснил Феликс. – Это было просто. Достаточно одного звонка.

Они вышли на улицу. Уже стемнело и с востока надвигались продолговатые ночные тучи. Они высматривали «Сааб» господина Белецкого.

– Он может опоздать, – сказал Нэт. – Он должен был сегодня сдавать кровь...

– Что?! – Глаза Ники округлились.

– О боже, он почетный донор, – пояснил Нэт. – Он говорит, что если может кому-то спасти жизнь, то этому стоит посвятить немного времени.

– Вон там! – Ника указала пальцем.

Они помахали и быстрым шагом двинулись в сторону машины, обходя по дороге многочисленных пешеходов.

– Что ты любишь? – спросил Нэт, глядя на Феликса. – Мне интересно, что за кафе папа выбрал.

– Я люблю гамбургеры, – ответил Феликс. – Люблю гуляш и бигос бабушки, ну и пиццу, естественно. А также много того, что не подают в ресторанах.

– Гамбургеры продают в Варшаве тысячи ресторанов, – огорчился Нэт, – а гуляш можно достать в любом кафе общественного питания.

Они сели в машину, поздоровались с родителями Нэта и пристегнулись.

– Скажи нам, что это за кафешка? – спросил Нэт, но папа с улыбкой покачал головой.

Когда через пятнадцать минут «Сааб» остановился возле бордюра, Нэт посмотрел в окно и позеленел.

– Суши... – прошептал он. – Это единственная еда, которая хуже капусты. Как вы могли поступить так со мной?

– Я не знаю, люблю ли я суши, – сказал Феликс. – Я никогда их не пробовал.

– Гм, я тоже никогда их не ела, – произнесла Ника.

Они вышли из машины.

– Папа, смотри, там пиццерия! – Нэт отчаянно пытался отвести от себя злой рок. – Ты говорил, что это то, что любит Феликс.

– Нет, – запротестовал папа. – Я говорил, что ему там понравится.

Рядом с ними послышался визг тормозов красного «Альфа Ромео».

– Привет, – сказала мама Феликса, выходя из машины. Она поцеловала сына в лоб, поздоровалась со всеми и посмотрела на часы: – На сорок три секунды раньше.

Друзья с подозрением посмотрели на витрину ресторана.

– Суши – это, наверное, японский деликатес.

– Сырая рыба, завернутая в рис, – пояснил Нэт. – Золотой бизнес. В магазине покупаешь рыбу за пять злотых и рис за три. Вместе выходит восемь. Потом режешь рыбу на сто маленьких кусочков, заворачиваешь ее в рис и каждый из них продаешь за восемь злотых. Даже за газ не платишь, потому что рыба сырая.

– Ты же никогда не ел суши? – спросила Ника. – Тогда откуда знаешь, что тебе не понравится?

– Назовем это мужской интуицией, – Нэт многозначительно пошевелил бровями.

Ника улыбнулась.

Перед входом они столкнулись с группой мужчин. Их было четверо, и, судя по костюмам, это были бизнесмены, которые собрались именно тут обсудить свои дела. Люди замешкались, пропуская друг друга в дверях. Наконец обе группы вошли в ресторан. Толстый иностранец, который выглядел как любитель польской кухни, с беспокойством оглядел столики, на которых стояли миски с маленькими рыбными кусочками.

Несмотря на большие окна, внутри было уютно. Красные стены и мебель из металлических труб выглядели грубовато, но общее впечатление было приятным.

– Суши делаются из такой рыбы, у которой ядовитая голова, – и дальше продолжал возмущался Нэт. – Если у повара дрогнет рука при нарезании этой рыбы, то все клиенты – покойники.

Стоящий рядом толстый иностранец выпучил глаза и заколебался. Видно было по его выражению лица, что он охотнее бы ретировался. Однако разговор, который должен был состояться, оказался для него важнее. Он стиснул зубы и пошел за остальными к своему столику.

Из подсобки выехал... робот, похожий на P2D2⁵, но со стеклянным куполом, за которым плоский монитор проецировал лицо, состоящее из двух точек-глаз и улыбающейся линии губ. Он подъехал к гостям и остановился в метре от них.

– Добрый день, – сказал он почти человеческим голосом с металлическим оттенком. Лицо на экране шевелило губами. – Я официант номер пять. Чем могу помочь?

– Ух, – выдохнул Нэт. – Так вот почему тут должно было понравиться Феликсу.

– У нас столик на Белецкого, – сказал папа Нэта.

– У нас нет такой позиции в меню, – ответил робот, и его лицо стало грустным. – Все места на сегодня зарезервированы. У вас есть резерв?

– Да, есть, – четко произнес папа, наклоняясь к роботу. – На фамилию Белецкий. Белецкий.

– Белуга – это рыба, которая не входит в японскую кухню, – спокойно ответил робот. – Я могу порекомендовать вам ресторан русской кухни. Мы готовим все из лосося, тунца, масляной рыбы и...

Папа Нэта вздохнул и снова наклонился к роботу.

– А можно вызвать настоящего официанта? – вежливо попросил он.

– Я и есть настоящий официант. Чем могу помочь?

– А можно попросить другого официанта, принадлежащего к роду homo sapiens?

– У нас нет блюд, приготовленных из homo sapiens. Мы готовим все из лосося, тунца, масляной рыбы и...

⁵ P2D2 – верный робот Люка Скайвокера.

– А можешь порекомендовать нам какой-то ресторан с каннибальской кухней? – Папа уже крепко сжимал кулаки.

– Я не нашел его в базе данных, но рекомендую японскую кухню. Это наша специализация. Могу зарезервировать вам столик на завтра.

– У нас есть резерв. На сегодня!

– На какое имя?

– Белецкий.

– Белуга – это рыба, которая не входит в японскую кухню. Мы готовим все из лосося, тунца, масляной рыбы и...

– Идемте, – сказал папа и обошел робота. – Наш столик, наверное, там, где шесть кресел.

– По правде говоря, у меня мало опыта, – сказала мама Феликса, когда они заняли места за столом. – Выберешь что-то мне, что-то... не очень страшное.

– Ты имеешь в виду что-то типа осьминога? – Феликс слегка позеленел.

– Еще не поздно сбежать, – умолял Нэт. – Никто нас не заметит.

– Кроме этого кретинского робота, – господин Белецкий начал оглядываться в поисках официанта.

Робот подъехал к ним с другой стороны и провозгласил так, что все аж подпрыгнули:

– Столик, что вы заняли, уже зарезервирован.

– Знаю, я сам его зарезервировал.

– На какое имя?

– На имя... белуга, – прорычал Белецкий, озираясь в поисках чего-то тяжелого.

– Да, на имя Белецкий. Приветствуем вас и ваших друзей. Что вам предложить?

– Можно ознакомиться с меню?

– Наше кафе внедряет голосовое обслуживание, чтобы повысить комфорт клиентов.

– Ладно... Что можешь нам посоветовать?

– Произошла какая-то ошибка! Не готовим для самолетов.

– Я про меню...

– Это абсолютно лишнее. Про мытье можете не беспокоиться. Этим у нас занимается квалифицированный персонал.

Папа Нэта набрал воздух и громко его выдохнул.

– Нас только беспокоит, что мы не можем с тобой договориться. Мы можем сделать заказ другим способом?

– Наше кафе предусмотрело все. Существует специальная опция обслуживания для глухонемых. Она состоит в том, чтобы выбрать позиции из списка, который появляется на экране. Вы глухонемой?

– Да, я глухонемой. Покажите мне список.

Улыбающееся лицо за прозрачным колпаком уменьшилось и отъехало в бок экрана, где появился большой список блюд.

– Я глухонемой, – устало сказал папа Нэта. – Я не могу сделать выбор голосом.

– Факт, прошу прощения... Конечно, вы ничего не слышите и не можете ничего сказать. Вы глухонемой. Пожалуйста, нажмите на зеленую кнопку.

Папа нажал кнопку. Из робота выехала клавиатура и развернулась в сторону мужчины.

– Это все звучит как-то одинаково, – мама Феликса заглянула в голову робота и подняла брови. – Нэт, выбери что-то сам.

– А может, тут есть фишбургер? – прохрипел Нэт, но не удивился, когда не услышал ответа.

Мама и папа Нэта несколько минут советовались, наконец папа набрал на клавиатуре заказ. Он сделал это за две секунды, пробегая пальцами по кнопкам. Толстый иностранец, сидя с коллегами за столиком рядом, смотрел на это широко открытыми глазами. Он заморгал

и вернулся к своему заказу, медленно нажимая клавишу за клавишей. Видно, у его робота-официанта тоже были проблемы с анализом голоса.

– Жаль, что нет маринованной сельди, – вздохнула госпожа Белецкая. – Может, получится заказать рыбный суп. Только по дороге сюда я поняла, что не должна есть суши.

Нэт посмотрел на нее с подозрением.

Из подсобки вышел мужчина, похожий на менеджера. Папа Нэта подозвал его.

– У нас проблема с этим роботом, – сказал он тихо. – Не понимаю, что ему говорить.

– А, номер пять... – мужчина закивал головой. – Ну да, сейчас что-то с этим сделаем. У него было короткое замыкание и сел вербальный мотиватор.

– Я заметил, – сказал папа Нэта. – У других тоже садится.

Мужчина извинился еще раз.

– Тут что, вторая Япония... – пожаловался толстый иностранец, заканчивая борьбу с клавиатурой.

– Я выпила бы кофе, – вздохнула мама Нэта, сдерживая зевок. – Простите...

– Ты знаешь, что не можешь... – Папа Нэта похлопал ее по руке.

Нэт прищурился и внимательнее присмотрелся к родителям. Происходило что-то, чего он не понимал. Он вздохнул, покачал головой и наклонился к Феликсу:

– Это робот с компьютером в голове, – сказал он.

– Ну и что? Чаевые он все равно не получит за такое обслуживание.

– Я тебе уже говорил, тогда в школе. Мы должны сотрудничать. Ты делаешь работа, а я пишу программу.

– Этот робот-официант не слишком быстрый. Думаешь, мы сможем сделать лучше?

– Естественно, – Нэт начал мечтать. – Поставим их на конвейер и будем продавать. Заработаем кучу бабок, и не нужно будет ходить в школу.

– Это неплохая мысль, – ответил, поразмыслив, Феликс, – но начнем с чего-нибудь попроще.

Когда открылись двери в подсобку, друзья увидели менеджера, который копался внутри их официанта. Вспышка короткого замыкания и струйки дыма не предвещали ничего хорошего.

– Сынок, – начал торжественно Белецкий. – Мы с мамой хотели кое-что тебе сказать. Это не тайна, поэтому очень хорошо, что твои друзья... тоже узнают... О! Наша еда!

Робот въехал в зал. В одном манипуляторе он держал тарелку с рыбными канапе, в другом – поднос с напитками. Он поставил все это на стол. Запахло рыбой и перегоревшей изоляцией.

– Я хотела вишневый сок, – напомнила мама Феликса, которая единственная не получила свой заказ.

Робот в этот раз все быстро понял:

– Я помню про него. Он не поместился на подносе. Сейчас принесу.

Феликс наклонился к другу и прошептал ему на ухо:

– Родители хотят сказать, что ты на самом деле программа ИИ, скрытая в теле андроида.

Ника захихикала, а Нэт толкнул друга локтем в бок. Он выжидающе посмотрел на родителей.

Папа хотел что-то сказать, но сзади раздался звук удара. Робот, вместо того чтобы попасть в двери кухни, врезался в стенку рядом. Он повернулся, замигал лампочками, объехал по большой дуге и снова врезался в стенку с другой стороны. Лишь на третий раз он смог попасть в двери.

– Папа... – напомнил Нэт.

Из кухни доносился шум перевернутой посуды, а через минуту робот номер пять выехал со стаканом сока. Поворачиваясь в проходе, он зацепил стаканом искусственный цветок. Стакан перевернулся, а сок оказался в горшке.

– Пожалуйста, ваш сок, – сказал робот, ставя на стол перед мамой Феликса пустой стакан. Лицо на экране мигнуло и появилось вверх ногами.

– Пожалуйста, можно еще один стакан сока...

– Принято, минутку...

Он поехал на кухню и вернулся с новым стаканом сока. Мама Феликса попыталась дотянуться до стакана, но робот проехал слишком далеко от столика. Он не остановился и продолжал двигаться в сторону входных дверей. Все напряглись, наблюдая за ним. Робот выехал на тротуар, а потом на пешеходный переход. Несколько машин резко затормозили. Робот проехал на другую сторону, въехал на тротуар и врезался в фонарь, разбивая стакан. Минуту он разговаривал с фонарем, после чего вернулся на переход. Машины снова с визгом затормозили. Он заехал в ресторан и остановился возле мамы Феликса.

– Пожалуйста... проблема... это ваш сок, – сказал он, ставя доньшко стакана на стол. – Еще один стакан сока?

– Нет, спасибо. Не влезет в меня третий стакан, – на автомате ответила мама, глядя на доньшко.

Папа Нэта показал детям, как держать палочки.

– Я видел когда-то суши-бар в кино, – отозвался Нэт. – Японцы это едят голоручно.

– Нет такого слова, – заметила Ника.

– Уже есть. Ну уже могли бы наконец рассказать мне то, что хотели?

– Поедим сначала – вкусно выглядит.

Нэт вздохнул и вернулся с неохотой к своей тарелке.

– Как по мне, выглядит так, словно его приготовили из морского паразита. Бутлер держит таких у себя в банках.

Феликс, Нэт и Ника с подозрением принялись за еду, хотя сначала потренировались пользоваться палочками. После первых кусочков лица друзей перестали быть подозрительно презрительными. За несколько минут почти все суши были съедены.

– Это даже неплохо, – признал Нэт, после чего посмотрел на родителей. – Ну и что вы хотели рассказать?

Папа не успел ответить, когда возле столика снова появился робот номер пять с пустыми манипуляторами, вытянутыми вперед.

– Пожалуйста, вот ваш сок... проблема... – Он открыл манипулятор, ставя несуществующий стакан на столик, потом развернулся и уехал.

– Я хотел еще что-нибудь заказать... – сказал папа, наблюдая, как робот въезжает в туалет, – но передумал...

Робот вернулся в зал и заехал в нужные двери. Не прошло и десяти секунд, как он оттуда выехал.

– Пожалуйста, ваш... проблема... – Он поставил перед мамой Феликса пластиковую бутылку со смазкой и уехал в глубь зала.

Толстый иностранец за соседним столиком совсем потерял интерес к разговору с коллегами и все внимание сосредоточил на столике Феликса, Нэта и Ники.

Из кухни вылетел менеджер и стал озираться.

– Извините, пожалуйста, сейчас я все улажу, – он забрал со стола бутылку и убежал искать робота.

Мама Нэта внезапно закрыла рот рукой, надула щеки, сорвалась с места и побежала в туалет.

– Ей попался осьминог, – прокомментировал Нэт. – На тарелке он притворялся мертвым, а попав в желудок, начал поедать человека изнутри.

Ника и Феликс с трудом проглотили то, что было у них во рту. Толстый иностранец за соседним столиком с отвращением посмотрел на Нэта, а потом на тарелку, которая стояла

перед ним. На середине лежала маленькая осьминожка. Толстяк выровнялся на стуле и кончиком палочки тыкнул в осьминога. Тот был мертвым. Или прекрасно притворялся.

– Счет, пожалуйста, – сказал он проезжавшему рядом роботу.

– Принято... проблема... выполняю... хр...

Следом за роботом шел, вытянув руки, менеджер. Когда он схватил робота, тот резко развернулся и объехал несколько столиков.

Госпожа Белецкая вернулась из туалета.

– Извините, – засмеялась она. – Это нормально, когда беременная.

Нэт уронил палочки на пол и замер, вылупившись на нее.

– Собственно, это мы и хотели тебе сказать, сынок, – объяснил папа, глядя руку жены.

Мама улыбнулась Нэту и добавила:

– Через парочку месяцев ты уже не будешь единственным ребенком в семье.

– Это чудесно, – обрадовалась мама Феликса. – Уже выбрали имя?

Феликс и Ника переглянулись, потом посмотрели на Нэта, который закрыл глаза и беспомощно сполз под стол.

Толстый иностранец за соседним столиком с отвращением вскочил, с грохотом отодвинул кресло и кинул на стол салфетку.

– Этот контракт не стоит таких жертв! – сообщил он и, не глядя на своих коллег, двинулся в сторону дверей.

К столику подошел робот-официант номер пять и произнес:

– Я любезно... проблема... хр... Счет на двести пятьдесят два миллиона триста восемьдесят одну тысячу сто пятьдесят два злотых и двадцать девять грошей... в минус восьмой степени. Оплатите картой или... хр... наличными?

6. Первый контакт

Феликс с самого утра ждал, пока мама «уладит одно дельце» и они наконец смогут поехать к папе на море. Решение «одного дельца» тянулось до полудня. Феликс успел посмотреть два фильма, прочитать половину книги, загрузить стиральную машину и настроить гирокомпас механического пса так, чтобы тот спускался по ступенькам, вместо того чтобы кувыряться по ним. Потом он приделал спиральный кабель от старой люстры с цепочками к ключам и прикрепил его к штанам. Наконец, он полил любимое растение папы – растущую перед домом раскидистую тую по имени Здзислав.

Мама стояла на коленях в зале. Одной рукой она набирала на ноутбуке письмо, а другой паковала чемодан. Одновременно плечом она прижимала к уху телефон и проводила совещание на английском.

– Еще только одно дельце, – в очередной раз заверила она, в этот раз по инерции делая это на английском.

– Стирку разберу, – буркнул Феликс и спустился в подвал. – А потом пойду на прогулку в Париж.

Стиральная машина семьи Полоний была размером с три обычные стиральные машины, установленные в ряд, и выглядела как модуль генератора поля имперского эсминца (это информация для тех, кто знает, как выглядит генератор поля имперского эсминца).

Феликс оценил состояние нескольких цветных индикаторов на корпусе и нажал на кнопку с пиктограммой, изображающей носок. Из прямоугольного отверстия сушилки-крутки с правой стороны стиральной машинки выпали сухие и благоухающие носки, сразу скру-

ченные по парам. Из-под третьего сверху люка Феликс вытащил десять сложенных футболок. Желтая лампочка сбоку погасла. В подвал спустилась мама.

– Что с моим черным жакетом? – спросила она, заглядывая в один из люков.

Указатель таймера над блоком гладилки-складилки показывал пятнадцать минут, а из решетки рядом валили клубы пара. Мама посмотрела на часы.

– Не успеем, – сказала она. – Нужно было раньше подумать. На презентацию. Надену старый.

Они поднялись наверх, и мама упаковала в чемодан последние элементы гардероба и захлопнула крышку.

– Я ненавижу все эти механизмы, – ответила она, заходя на кухню. Она наклонилась над угловым корпусом МО, то есть над Механическим Опекуном. С одной его стороны крепились две миски. – Как это наполнить?

Цабан, большой черный русский терьер, подошел к машине с другой стороны и передней лапой нажал на педаль с надписью: «Чесалка под бородой». Он встал напротив, немного приподняв голову. Внутри махины что-то защелкало, зажужжало и несколько раз пискнуло. Над педалью открылась крышка, изнутри высунулась щеточка на штативе и начала гладить пса под бородой.

– Цабан может с этим справиться, а ты нет? – засмеялся Феликс.

Мама что-то буркнула и убрала спадающие на лоб светлые волосы. Она нашла наконец соответствующую крышку, открыла ее и насыпала в середину гранулированный корм. Проверила уровень воды. Все индикаторы машины светились зеленым.

– Хватит на выходные, – сказала она. – Не знаю, как я могла купить этого пса. Всегда ложится в проходе, в порыве нежности опрокидывает гостей, рыгает возле стола. Когда-то уселся прямо на зама министра финансов...

– Мама...

– Ладно-ладно... Я все равно его люблю. Ты упаковал вещи?

– Еще пару часов назад... Стирку успел запустить.

– Прости... – она погладила его по голове. – Я должна была уладить одно дело.

Феликс обнял Цабана. Пса недавно постригли, поэтому он уже не выглядел как маленький медвежонок, но его глаза все еще смотрели из-под густой гривы.

– Остаешься один на три дня и две ночи, – Феликс присел перед ним на корточки и убрал несколько кудрей, чтобы открыть его красивые бронзовые глаза.

Пес с грустью посмотрел на своего хозяина. Он точно знал, что означают упакованные чемоданы, стоящие в холле. И видел, что его одеяло для путешествий лежит сложенным в шкафу.

– Помни, не дурачься, – наказал ему Феликс. – В ошейнике есть передатчик, который открывает люк в дверях. Выходишь, пи-пи, ка-ка, гоняешь кота Соболяка и возвращаешься. Никаких свиданий, не кидайся на Здзислава, и никакого подкопа под забором. Если почувствуешь одиночество, можешь использовать чесалку. Ок?

Он потянул собаку несколько раз за черную бороду. Это выглядело так, словно Цабан соглашался с его словами и кивал в ответ. Мальчик прижал его еще раз, после чего встал и потянулся за своим зеленым военным мешком, который использовал вместо дорожной сумки. Он отнес его в багажник, после чего помог маме с чемоданом. По мнению Феликса, она взяла много абсолютно ненужных вещей, но он не сказал ни слова. Наверное, с точки зрения мамы, половина его багажа тоже была ненужной.

* * *

Уже за пределами города они влились в череду машин.

– Наверное, какой-то эскорт, – сказал Феликс.

– Нет, это не эскорт, – покачала мама головой. – Увидишь через минуту. У некоторых водителей свои причуды. Чем хуже они водят, тем ближе к левой стороне хотят ехать. Правой полосы боятся как огня. И создают пробку.

Через несколько минут мама показала на маленькую розовую машинку, что медленно ехала по левой полосе.

– Вот и причина затора, – она начала моргать дальним светом. – Эта овца даже не знает, в чем дело... Нельзя обгонять по правой стороне, но ее это не волнует.

Мама съехала на правую полосу.

– Посмотри, – сказала она, указывая головой в сторону.

Девушка в розовом автомобиле сидела, склонившись над рулем и сжав его пальцами, в большом напряжении смотрела на асфальт перед капотом. Казалось, что она ничего не замечает вокруг.

Они минуту ехали молча. Наконец мама Феликса посмотрела на сына и сказала:

– Я беспокоюсь за бабушку. Будь с ней милым, когда она вернется из санатория. Она неважно себя чувствует, и ее надо побережь. Теперь мы будем делать покупки и помогать ей во всем.

– Я сделал ей «Ассистента для шопинга», – вспомнил Феликс. – Он ездит с ней, чтобы она не носила сумки.

– Этого уже не хватит. Врач сказал, что бабушка не должна уставать. В ее возрасте самой ходить в магазин – это уже большое напряжение. Ты заметил, что бабушка уже едва поднимается по лестнице?

– Я могу сконструировать... лифт, – сказал через минуту Феликс. – Такое кресло, которое по шинам въезжает на этаж.

– Речь идет не об изобретениях, – мама покачала головой. – Я говорю про то, что бабушка до этого времени заботилась о нас, а сейчас мы должны позаботиться о ней.

Феликс ничего не ответил. Со стыдом он осознал, что первое, что пришло ему в голову – это сконструировать робота-повара. А бабушка не должна для всех готовить и потом за всеми убирать. Он стал смотреть на места, что они проезжали, но уродливые дома и грязные дворы не подняли ему настроение. Двухполоска закончилась. Теперь они ехали еще медленнее, потому что постоянно приходилось кого-то обгонять.

– Что именно папа делает на море? – спросил он через четверть часа.

– Ты же знаешь, он не расскажет ни о чем секретном, – мама пожала плечами. – А это супер-супер-суперсекрет. Они нашли там какой-то подземный аппарат времен Второй мировой войны.

– Аппарат? – оживился Феликс. – Какой аппарат?

– Какие-то немецкие военные механизмы. Не знаю. Спросишь его сам, когда приедем... Посмотри, еще один остолоп! – Мама указала на мини-вэн с затемненными окнами. – Полоса пять метров шириной, а он едет по левому краю.

– Может, он поворачивает влево.

– Наверное, через десять километров. Безмозглый блокировщик дорог усложняет другим жизнь.

– Может, он не знает, что поступает плохо.

– Тогда сейчас узнает, говнюк! – Она начала сигналить и мигать ему дальним светом, но это ни к чему не привело. – Дебил!

– Мама... – попросил Феликс.

Мама вздохнула и перестала сигналить. Мини-вэн тормозил их полкилометра и действительно свернул на заправку, но только вправо.

Через минуту, для разнообразия, мимо них пронеслось что-то низкое и черное. Феликс даже не успел увидеть, что за марка машины.

– Такие еще хуже... – простонала мама. – Окей, я ничего не говорю.

– Ты совершенно ничего не знаешь, про эти исследования? – настаивал Феликс.

– Папа ничего мне не говорил. В конце концов, я ему тоже ничего не говорю про свои рабочие проблемы. Лучше не приносить работу домой.

* * *

На извилистых кашубских дорогах, густо заросших с двух сторон старыми деревьями, мама ощутимо снизила скорость, перестала обгонять, но Феликс все равно ловил себя на том, что хватается за ручку дверцы. За несколько часов путешествия они поговорили с мамой о многом таком, про что обычно не хватало времени поговорить дома. Только сейчас он предпочитал ни о чем ее не спрашивать.

– Наслаждайся видом этих деревьев, – вздохнула мама. – Они хотят их спилить. Лучше бы дыры в асфальте залатали.

Возле старой деревянной таблички с надписью: «Мило 0,5 км» они свернули на грунтовую дорогу, которая через несколько поворотов вывела их на заросший соснами пригорок. Феликс чувствовал, как желудок поднимается к горлу, когда машину заносило. Наконец они остановились возле запыленного «Лендровера» папы. Феликс вылез, неуверенно распрямляя ноги. Он сделал глубокий вдох и минуту анализировал, не намерен ли желудок устроить ему неожиданность и избавиться от завтрака. Пахло морем, был слышен шум волн. Мальчик оглянулся. Дорога закончилась неровной площадкой перед входом в дом. Со стороны склона редкий кустарник частично закрывал вид на дорогу, которая продолжалась уже узкой тропой. Она вела в сторону дома и исчезала между деревьями. На голубом небе почти неподвижно зависли несколько чаек. Сам дом был двухэтажным, с покатой крышей, и создавалось впечатление, будто он врос в землю от старости. Темно-красный кирпич местами почернел и потрескался от резкой морской погоды. Один угол зарос густым диким виноградом, который поднимался до крыши, тоже темно-красной. В открытом окне сидел огромный старый кот с одним глазом. За домом виднелся высокий маяк метров пятнадцать в высоту. Остатки белой краски когда-то были горизонтальными полосами. На самом верху, окруженная металлическим помостом с перилами, находилась застекленная надстройка, увенчанная остроконечной крышей. Из-за грязных стекол была заметна лишь тень прожектора.

– Он не работает.

Феликс вздрогнул, испуганный знакомым голосом. В дверях дома стоял папа. Его светлые волосы выцвели от солнца, а лоб загорел. Он похудел за эти две недели. Военные брюки и жилет висели на нем, как на вешалке.

– Как дорога? – спросил он, спускаясь по ступенькам. Он поцеловал жену и обнял сына.

– Помнишь ту сцену из «Звездных войн», когда истребители повстанцев летят через тоннель к самому сердцу Звезды Смерти? – спросил Феликс. – Я чувствую, что я прилетел таким же образом.

– Не преувеличивай, – мама махнула рукой. – Дорога была вполне приятной.

– Только клаксон надо поменять, – буркнул Феликс.

Папа пошел к машине за сумками Феликса.

– Входите, я приготовил суп, он уже готов.

– У меня нет времени, – сказала мама. – Через пять часов у меня начинается конференция.

– Ты хочешь за пять часов доехать до Познани? – Папа с беспокойством посмотрел на нее.

– О нет... Конечно же, нет. Хочу доехать за четыре часа, потому что нужно еще приготовить...

– Они могут начать без тебя. Никто не заметит.

– Мой доклад первый, а еще нужно поработать над презентацией.

Папа крепко обнял ее.

– Ну, может, хоть кофе выпьешь, – предложил он.

Мама минутку подумала и кивнула.

– У меня пять с половиной минут запаса, – улыбнулась она.

Они вошли в темный коридор.

– Красивый пол, – мама разглядывала широкие старые доски.

При каждом шаге они скрипели. С правой стороны находилась закрытая комната, слева были широкие двери в главный зал, а напротив – деревянная лестница на второй этаж.

Папа проводил их в главный зал, который был одновременно кухней, столовой и гостиной. Меблировка меньше всего напоминала современные кухни. В стену вросла огромная деревянная изразцовая печь, соединенная с плитой. На одном из четырех чугунных дисков стоял горшок с булькающим супом. Среди старой мебели внимание привлекал самый крупный предмет – богатый резьбой темно-бронзовый буфет с застекленными дверцами сверху. Они уселись на лавку за длинным столом, который был сбит из двух толстых досок. Папа взял побитый чайник и налил в него воды из крана. Эмалированный умывальник помнил времена до изобретения автомобиля.

– Растворимый кофе пойдет? – спросил папа, поставив чайник на плиту. – Эспрессо тут не сделаешь.

– Угу... – медленно произнесла мама, неуверенно разглядывая уютное помещение. – Этому дому лет сто...

– Это дом смотрителя маяка, но он не живет тут уже очень давно, а маяк не работает.

Феликс посмотрел на кривые окна и солидные потолочные балки, с которых свисали вязанки сухих грибов и овощей.

– Наверное, меньше техники только в хижине с очагом, – сказал он. – Скорее всего, здесь нет спутниковой антенны, и я не посмотрю Discovery Channel...

– Нет, – признал папа, – тут вообще нет телевизора.

В комнату величественно зашел старый кот. Отерся о ноги Феликса, после чего заскочил маме на колени.

– О боже, у него только один глаз, и желтый! – удивилась мама.

– Это Азор. Этот кот многое пережил, – пояснил папа. – Он живет тут.

– Азор? – удивился Феликс.

– Когда мы его увидели впервые, было довольно темно, – сказал папа. – Он крупный, и я подумал, что это собака. А потом как-то прижилось имя.

Азор соскочил с колен мамы и гордо вышел из комнаты.

– Нет сигнала. – Мама почти ужаснулась. Несколько раз она включала и выключала экран телефона и даже ходила по комнате с телефоном в поднятой руке.

– Ищешь духов? – спросил папа. – Связь есть только на втором этаже, но очень слабая. Такой слабенький телефон ее не словит.

Мама сдалась и села за стол.

– Теперь понятно, почему у тебя телефон размером с соковыжималку.

– Они будут вас регистрировать, – папа насыпал кофе в кружку. – За пять минут ничего не случится.

– Ты даже не представляешь, что может случиться за пять минут. Когда-то я была в туалете, и за это время назначили нового президента и успели его снять.

Мама попеременно смотрела то на чайник, то на часы. Наконец вода закипела. Она выпила полкружки и встала. Потом поцеловала Феликса, обняла мужа и побежала к машине. Она помахала им, когда они вышли из дома, и уехала, поднимая тучи пыли. Несколько секунд они наблюдали за желтым облаком, которое развеивал ветер.

– Как вернемся в Варшаву, поставим ей раму для безопасности.

– И электрический ограничитель скорости, – добавил Феликс.

– Идем, – папа положил ему руку на плечо. – Суп сгорит.

Суп был из пакетика и действительно пригорел. Но после поездки с мамой Феликс так проголодался, что съел всю тарелку, не обращая внимание на вкус еды.

– Мы нашли тетрадь профессора, – папа встал и положил тарелку на вершину большой, шаткой башни в раковине. Он кивнул Феликсу, чтобы тот поднялся. – Думаю, вам троим следует кое-что объяснить. Расскажи о том, что здесь увидишь, Нэту и Нике, но больше никому. До сих пор нам удавалось избегать любопытных журналистов. Проект, над которым мы работаем, носит кодовое имя «Sparks»⁶. Сейчас узнаешь почему.

Они вышли в коридор. Папа нажал на маленькую латунную заклепку в стене дома. Висящая рядом картина приподнялась, открывая клавиатуру сигнализации. Феликс поднял брови, но ничего не сказал. Папа деактивировал сигнализацию, и подсветка клавиатуры сменилась с зеленого на красный. Они вышли, закрыли двери на обычный замок, который помнил еще Вторую мировую. По тропинке они петляли между деревьев. Через минуту Феликс смог увидеть весь маяк. Рядом был еще сарай. Всю его стену закрывали сложенные под крышей поленья. Дальше кусты становились все гуще, и через них ничего уже нельзя было разглядеть.

Через сто метров лес закончился обрывом. Внизу узкая полоса пляжа и море образовывали небольшой залив. К нему вела извилистая лестница с деревянными ступенями, слегка кривыми из-за сдвига склона. Бетонные «ежи» у ее основания сдерживали этот процесс, но не могли его остановить. Еще два-три сезона штормов – и лестница рухнет. В конце деревянного помоста какой-то мужчина в свитере и шерстяной шапке ловил рыбу. А в полукилометре от берега в море стоял белый пятидесятиметровый корабль с трехэтажной надстройкой на носу. За ней размещалось несколько кранов, а нижняя палуба была заполнена оборудованием, которое с такого расстояния нельзя было распознать. Надпись на борту говорила, что корабль носил название «Орка».

– Как тебе известно, над тринадцатой тетрадью профессора Кушминского корпело несколько десятков ученых, – начал папа, глядя на море. – Я тоже посвятил ей много времени. Когда речь шла о формулах и схемах, все было ясно, но лишь две недели назад нам удалось прочесть одно скрытое послание. Это были зашифрованные географические долгота и широта – координаты какой-то точки на земле. Профессор не написал, что там находится, но точка эта лежит в пятистах метрах на севере от нас, вон там. – Он показал на корабль. – Что-то есть под морским дном, но мы не знаем что. Приборы показывают отчетливое колебание гравитации между тем местом и базой, в зависимости от положения Луны и еще чего-то, чего мы не понимаем.

– Мама вспоминала о какой-то базе, – произнес Феликс.

– Собственно, я к этому и вел, – папа махнул рукой, чтобы сын шел за ним.

Они вернулись к дороге и сели в машину. Проехали несколько сот метров до шоссе, потом пересекли его и выехали на проселочную дорогу, выложенную бетонными плитами. Она вела через лес и сильно заросла, но недавно сломанные кусты и трава говорили о том, что в последнее время по ней проехало немало транспорта. Через сто метров они добрались до ворот с охранной будкой. На них нацелилась камера. Ограда из серебристой сетки тянулась в обе стороны. Охранник посмотрел на регистрационные номера машины, потом на идентификатор

⁶ Sparks – искры (англ.).

мужчины, на Феликса, отдал честь и нажал кнопку на пульте управления воротами. Они разъехались в стороны, мигая оранжевыми предупредительными лампочками. Папа поблагодарил и поехал дальше. Через несколько метров лес внезапно закончился, и они добрались до большой забетонированной площади, окруженной насыпанными валами. На них росли кусты. На площадке стояло несколько автомобилей, некоторые были припаркованы в бетонных гаражах, спрятанных за травянистыми склонами. Бросался в глаза современный серебристый автокар с логотипом Института Чрезвычайных Исследований на боку и абсолютно черными стеклами. Из открытого багажника торчало несколько пучков проводов, которые исчезали в одном из гаражей.

Папа остановил машину возле контейнерных домиков.

– Как войдем внутрь, ничего не трогай, – предупредил он сына. – Там полно старого электрического оборудования.

Папа повел Феликса к самому большому гаражу. Лишь через минуту Феликс понял, что это не гараж, а вход в длинный туннель, что вел в глубь холма. Следующий охранник проверил идентификатор папы, отдал честь и открыл калитку, что размещалась перед огромным проемом с открытыми стальными воротами.

Под потолком тянулся ряд натриевых ламп. Они отсвечивали оранжевым на влажном бетонном полу.

– Папа, что это? – Феликс начал беспокоиться.

– Сейчас все увидишь.

С каждым шагом помещение в конце туннеля было видно все лучше. Оно напоминало старую автомастерскую, только намного больше. Феликс остановился за несколько шагов до входа в зал внушительных размеров. Если бы не заросли внутри этой конструкции, тут легко поместился бы «Боинг 747». Прожекторы, что крепились к стальным решеткам, светили вниз, поэтому трудно было разглядеть, что находилось выше источников света. Феликс оглядывался, сдерживая челюсть, которая норовила все время брякнуть об пол. Зал казался круглым и, вероятно, находился под куполом. По влажному полу тянулись километры толстых кабелей, вдоль размеченных желтыми полосками дорожек стояли бетонные домики, словно маленькие доты, со встроенными генераторами, турбинами, цистернами; также размещались стальные шкафы, прикрепленные к лесам, и целая масса другого странного оборудования. Тут суетилось несколько десятков человек, где-то искрилась сварка. Вокруг слышались разговоры на польском, немецком и английском, доносился звук передвигаемых стальных элементов. Над этим всем раздавалось жужжание мощных трансформаторов.

Над туннелем, через который они вошли, слабо светило прямоугольное окно в стене. В следующем помещении сидело несколько человек.

Феликс с папой прошли через зал и остановились перед полукруглой конструкцией. Она была похожа на фрагмент пыльных декораций «Звездных войн». Это было стоящее вертикально кольцо несколько метров высотой, на одну четвертую высоты утопленное в бетонном полу. На его ободе крепились винтами электромагниты с толстой обмоткой. Связки кабелей тянулись к двум бетонным куполам по разные стороны аппарата. По обмотке время от времени проскакивали маленькие искры.

– У тебя есть часы? – вдруг спросил папа, хватая сына за руку.

– Есть...

– Уже нет, – он посмотрел на запястье Феликса. Цифры на циферблате погасли. – Прости, забыл предупредить. Иногда тут появляется очень сильное электромагнитное поле. Оно не вредит здоровью, но неэкранированные микросхемы, такие, как в часах, к сожалению, уничтожаются. Куплю тебе новые.

– Что это такое? – спросил Феликс, не забывая себе голову часами. – Это все тут...

– Ну да, пожалуй, нужно начать с объяснения. Это тайная немецкая база времен Второй мировой войны. Мы тут немного прибрались, – папа усмехнулся. – Пытаемся понять, как это работает и для чего оно нужно. Пару месяцев назад появилось название «Wungrung», но мы называем его просто «кольцо». Как ты знаешь, немцы пытались сконструировать супероружие, которое должно было изменить ход войны. Похоже, все, что тут есть, это высокотехнологический, но незаконченный проект.

– И он работает? – спросил Феликс.

– Да. Шестьдесят лет без остановки. Мы не знаем, на каком питании.

– Его нельзя отключить?

– Выключатель мы не нашли. Можно только перерезать кабели, но мы не хотим этого делать. Это кольцо – центральный элемент системы. Его активность тоже постоянно меняется. Каждый день мы улавливаем повторяющийся несколько минут цикл. К сожалению, мы не знаем, что его вызывает. Звучит это как шутка, но в выходные... он работает менее интенсивно. Безрезультатно мы пытались найти в этом хоть какие-то закономерности.

– Но... что это вообще такое?

– История в общих словах очень простая. Немцы завоевали всю Европу, кроме Великобритании. Если бы они захватили Британские острова, сегодня мы бы жили при Третьем рейхе... Британские Королевские воздушные силы, при поддержке польских пилотов, отбивали атаки немецкого люфтваффе. Битва за Англию – это самая большая воздушная битва всех времен. Нацисты проиграли ее в октябре 1940 года. Они также потеряли шанс на вторжение. Это был момент, который и предрешил проигрыш Гитлера в этой войне. Британские острова стали базой союзников, с которой должна была проводиться атака на оккупированную Францию. Немцы приготовили оружие, обозначенное знаком «Фау-1». Это были беспилотные крылатые бомбы с реактивным двигателем. Около семи тысяч «Фау-1» долетели до своих целей, в основном на юге Англии. Много из них упало на Лондон, что привело к большим разрушениям. Потом был сконструирован «Фау-2», это уже были настоящие ракеты. На их базе американцы после войны построили космические ракеты. Были еще орудия «Фау-3», но они не имели практического значения для хода войны. То, на что ты смотришь, скорее всего, «Фау-4» – незаконченное оружие Гитлера.

Они стояли молча. Феликс задумался над словами папы. С разных сторон раздавались звуки ударов, резки и сварки. За их спиной проехала электрическая тележка.

– Нацисты не смогли его закончить, но им удалось его спрятать, – продолжил папа. – Русские выгнали их с этих земель в начале марта 1945 года. Но они не нашли базу. Мы тоже не нашли бы ее, если бы не записи в тетради профессора Кушминского. То, что на поверхности, выглядит как типичный гараж для танков. Ничего чрезвычайного, по всей Польше много таких мест. Туннель, через который мы вошли, был замурован на десять метров от входа, и в нем стоял сгоревший танк. Всех обманули. Из рассказов местного населения выходит, что остатки танка забрали каких-то пять лет назад. Даже тогда никто не подумал, что задняя стена гаража – это только маскировка.

– Но как вы это нашли? – Феликс наконец смог выдать из себя слова. – Профессор Кушминский указал на место в море.

– Сонар исследовательского корабля нашел странный объект на дне. Мы подумали, что стоит обследовать и берег, но ничего не нашли. Нам помогли геологи. Они нашли этот зал под землей. Тогда мы и пробивались сквозь стену.

– Может, электромагниты на большом кольце – это очередная пусковая установка для каких-то ракет или снарядов? – Феликс указал на кольцо.

– Этого мы не знаем, – пожал плечами папа. – Кольцо не нацелено ни на что конкретное. Трудно себе представить установку, которая что-то запускает под водой... Все ускорение

снаряда перешло бы в большой всплеск. Кроме того... от моря нас отделяет бетонная стена и большой кусок суши.

– Может, земля опустилась? – спросил Феликс. – Может, профессор обозначил место на современном пляже? Впрочем, подводные лодки могут стрелять торпедами и ракетами под водой... но не через бетонную стену.

– Ядерные ракеты размещаются на подводных лодках для того, чтобы противник не знал, где они. Лодка может быстро менять свою позицию. А тут первая же ракета выдаст расположение базы. Ее сразу же уничтожили бы. Во время войны еще не было спутников, но летали разведывательные самолеты, да и шпионов хватало.

– А может, торпеды?

– У них маленькая дальность. Лучше стрелять ими с торпедных катеров, которые могут приблизиться к цели. Поверь мне, сынок, мы много ночей провели над разгадкой всего этого. Сначала мы думали, что это могли быть торпеды или маленькие подводные лодки. К сожалению, оказалось, что тут нет никаких шлюзов. Если пробить стену, то сюда просочится морская вода.

– Это могли быть подводные установки? – спросил Феликс. – Может, после окончания строительства это должно было находиться под водой. Может, они хотели сделать какой-то туннель...

Папа покачал головой.

– Этот аппарат точно не водонепроницаемый. Ответ должен быть другим. Какой-то точно должен быть... – Он обернулся и кому-то помахал. – Подожди меня тут. Я должен кое с кем поговорить. Ничего не трогай, тут действительно высокое напряжение.

Феликс стоял перед кольцом и рассматривал таинственную конструкцию, что наводила его на мысль о сходстве с фрагментами атомной станции или космическим кораблем. Тайна... тайна... Цель, которой хотели достичь создатели этой базы, должна стоить потраченных денег и усилий. Немцы не построили бы всего этого просто так – это должно для чего-то служить.

Феликс сделал шаг вперед и в этот момент что-то услышал. Жужжание трансформаторов неожиданно усилилось. Он увидел, как воздух внутри кольца начал дрожать, и по его обшивке пробежало несколько искр. Феликс хотел отступить, но, как парализованный, смотрел на кольцо. В его глубине появилась легкая дымка, схожая с водяным паром. Казалось, она фосфоресцировала, но это могло быть и отблеском света из зала. В этой бледной поверхности Феликсу показалась, что он видит... силуэт. Он заморгал. По кольцу пробежало несколько голубоватых искр, и видение исчезло. Жужжание стихло.

Феликс встрепенулся. Он услышал крики отца и топот ног за спиной. Чья-то рука схватила его и оттащила назад. Папа склонился над ним, бледный от волнения.

– Со мной все в порядке, – запротестовал Феликс, отбиваясь от нескольких пар рук, что тянулись к нему.

– Показатели в десять раз выше, чем когда-либо раньше, – выкрикнул кто-то сзади.

– Ты что-нибудь трогал? – спросил папа, взволнованно ощупывая сына.

– Я стоял тут...

– Ты не обижайся, Петр, но ты действительно считаешь, что это подходящее место для ребенка? – спросил кто-то сзади.

Феликс обернулся. Рядом с папой стоял высокий, лысый и толстый шестидесятилетний мужчина в солидных очках.

– Ты смотришь на человека, который нашел тринадцатую тетрадь, – сказал кто-то сбоку. – Это Феликс Полоний, а не ребенок.

Феликс узнал худого пожилого мужчину, который опирался на черную трость с костяным набалдашником, украшенным красным рубином. Якоб Рознер, министр специальных дел. На элегантный костюм он надел фартук.

– Я знаю, кто он, – ответил высокий мужчина в очках. – Но это не место для ребенка.

– Этот мальчик за три минуты активировал то, с чем мы бьемся уже несколько недель. – Министр усмехнулся уголками губ, подал Феликсу тонкую руку и показал на лысеющего мужчину: – Феликс, познакомься с профессором Словинским. Он тут самый главный.

Феликс кивнул, а профессор учтиво протянул ему пухлую руку.

– Молодые умы открыты, – усмехнулся Якоб Рознер. – В них нет тысячи математических формул, которые скрывают от нас очевидное – то, что лежит перед носом. Они могут сделать открытие, которое застойному мозгу старых ученых даже и не снилось. Молодой ум может удивляться. Помните, что начало успеха – это умение удивляться и задавать правильные вопросы.

Профессор фыркнул, не зная, что на это ответить.

– У нас есть полная запись скачка? – громко спросил он.

– Да! – выкрикнул взволнованным голосом из-за его спины худой ассистент. Он держал в руках планшет. – Есть! Небывалый скачок всех параметров!

– Рассмотрим их досконально.

По слегка извилистым бетонным ступеням они поднялись в центр управления, расположенный прямо над туннелем. Это было низенькое помещение с бетонными стенами. На консолях, полных латунных и бакелитовых ручек, старых индикаторов, рычагов и тумблеров, обращали на себя внимание три огромных вращающихся диска, похожих на приплюснутые и увеличенные кодовые замки сейфа. Вместо цифр по ободу виднелись какие-то таинственные значки. Феликс обратил внимание, что металл был отполирован от частого использования. Рядом находилось квадратное углубление величиной с книжку с несколькими электрическими контактами. Выглядело так, словно оттуда вынули что-то важное. Тут же стояло несколько современных компьютеров. Задняя стена центра управления была заставлена шкафами с жужжащими и мигающими разноцветными светодиодами. Они также были продуктом современной технологии.

Наверху, втиснутый в угол, стоял деревянный ящик с антеннами и несколькими регуляторами.

– Какая-то старая радиостанция, – пояснил папа. – Можешь себе взять, если хочешь.

– Слишком большая для сувенира, – Феликс наклонился и открыл ящик.

Внутри находилось несколько стеклянных ламп, которые когда-то давно использовались вместо микросхем. Он вытащил одну криво вставленную лампу и быстро спрятал в кармане.

Из центра управления был отлично виден весь зал. Отсюда он казался еще больше, а вся аппаратура выглядела странной.

Ученые всматривались в графики на нескольких мониторах, а конкретно – на внезапно возросшие показатели. Феликс тоже смотрел на верхние пики, нарисованные цветными линиями. На каждом из них наблюдался скачок.

– Что у тебя в карманах? – спросил папа. – Может, ты его как-то невзначай активировал.

Феликс начал выкладывать на стол содержимое карманов и рюкзака. Перочинный ножик с несколькими лезвиями, универсальный ключ, наушный фонарик, карманный набор инструментов, мини-аптечка, сумочка с клеем и швейными принадлежностями, рулетка и много других нужных или ненужных мелочей.

Ученые в центре управления молча изучали растущую кучу.

– О боже, это вам ничего не напоминает?! – воскликнул наконец кто-то, и все начали смеяться. – Копия отца.

Они внимательно рассмотрели все предметы, но ничего необычного не нашли, если не считать необычностью само присутствие всех этих предметов в рюкзаке и карманах четырнадцатилетнего парня.

– Может, пойдешь туда еще раз? – предложил профессор, но грозного взгляда папы хватило. – Ладно, положите это все на тележку и суньте в кольцо, – обратился он к техникам.

Следующие три часа они засовывали двухцветную тележку с длинной ручкой в кольцо. Они перекладывали предметы в тележке разными способами, но показатели даже не вздрогнули.

* * *

Возвращались они проселочной дорогой, и подвеска старого «Лендровера» скрипела на ямах. Свет фар прыгал по деревьям. Феликс задумался, ни на что не обращая внимание. Когда они подъехали к дому, он решил немного прогуляться. Луна светила довольно ярко, поэтому по тропинке он зашел в лес и добрался до помоста, от которого ступени вели к пляжу. Там удобно размещалась лавочка. Феликс сел и стал всматриваться в ночь. Отсюда открывался действительно прекрасный вид на Балтику. Луна висела на чистом звездном небе, отражаясь в гребнях волн. Корабль стоял на том же самом месте, в полукилометре от берега. Зажженные огни мягко мигали. Над водой проносился шум работающих машин и чьи-то перекрикивания. Вода была сине-черная, до полной черноты ей не хватало хмурого неба.

Феликс услышал шаги за спиной. Он обернулся и увидел папу. Петр Белецкий сел рядом с сыном. Он начал рассказывать о том, что так волновало Феликса:

– Мы действительно не знаем, что это. Все описания на немецком. Мы перевели, но они закодированы. Из центра управления выходят кабели и теряются где-то в каналах. Несколько десятков электриков много дней занимаются только тем, что составляют электрическую схему. Это все можно разъединить и исследовать, но тогда вся конструкция или перестанет работать, или заработает на полную мощь. Мы могли бы ее произвольно запустить.

– Может, лучше оставить все это в покое.

– Этого мы не можем сделать, – с грустью ответил папа. – Неизвестно, что случится, если за сто или двести лет какой-то кабель лопнет или произойдет еще что-нибудь непредвиденное. Может, эта машина отсчитывает время?

– Тогда твоя работа, как у сапера.

– В определенном смысле да, – усмехнулся папа, – но я надеюсь, что это только дополнительная работа. Я на самом деле хотел бы выяснить, что это, и узнать, почему профессор Кушминский считал эту базу очень важной. Тут работает сотня профессионалов. Есть даже криптологи. Это они заведуют настройками тех трех блестящих дисков. Камера регистрирует их положение и пересылает картинку на компьютер, который анализирует все изменения.

– Те диски... это какой-то вид безопасности? – спросил Феликс. – Как в сейфе?

– Скорее всего... Но они могут служить и для установления каких-то параметров, как настройки в радио. Проверка всех комбинаций невозможна, потому что все соединено с часами и сотней других устройств управления. Этой технологии столетия, но это не означает, что в ней легко разобраться. Тогда еще не существовало глобальной унификации, каждый проектировал как хотел. Подозреваем также, что существенную часть системы немцы где-то спрятали.

Феликс задумался, рассказать ли папе про силуэт, который он видел в кольце. Он и сам был не уверен, не привиделось ли ему это. Но, подумав, решил, что лучше будет обо всем рассказать. Даже если это ему привиделось. В таком таинственном месте все может оказаться существенным для решения загадки.

– Есть кое-что, что я должен тебе рассказать, – начал он неуверенно.

– Я знаю, – папа встал и оперся на перила. – Я слышал о твоих проблемах в школе. Каждый вечер разговаривал с мамой, поэтому я в курсе.

Феликс посмотрел на него растерянно и вдруг понял, про что именно папа говорит.

– Ты не поверишь, если я тебе расскажу, что случилось... – вздохнул он.

– Мама рассказала мне все. И ты прав – я не поверил. Потом подумал и понял, что на тебя это не похоже. Ты слишком рассудительный.

– Это очень запутанная история, – начал путаться Феликс. – Ты не поверишь...

– Не оправдывайся, сынок, если в этом нет необходимости. Оправдывается виновный, запомни это. Я несколько раз разговаривал с папой Нэта. Он рассказал мне всю историю.

– Тогда ты знаешь, что нас кто-то подставил?

Папа кивнул и снова сел рядом с сыном:

– Важно то, что я хочу тебе сказать. Помни, ты всегда можешь прийти ко мне и к маме с любой проблемой.

Феликс подумал, что это не совсем так. Он умолчал о фигуре в кольце. Доверие доверием, но нагромождение неправдоподобных совпадений может быть слишком даже для таких толерантных родителей.

Они сидели минут пятнадцать, глядя на корабль и далекий свет в море.

Вдруг Феликс заметил темный силуэт между кораблем и берегом. Он напряг зрение – ему не хотелось бежать домой за биноклем. В свете луны он увидел маленькую лодку и сидящего в ней сгорбленного человека, который... ловил рыбу.

* * *

В воскресенье вечером Феликс с мамой вернулся в Варшаву. Он открыл двери ключом, что крепился на петельке штанов проволокой-спиралькой. Цабан на радостях чуть не опрокинул и его, и маму. Он подпрыгивал, крутился вокруг собственной оси, пищал, лаял, и нельзя было его успокоить ни просьбами, ни угрозами. Удалось это только колбасой. Феликс обошел дом, и, похоже, все было в порядке. Когда он зашел в кухню, мама склонилась над собакой, внимательно к ней присматриваясь. Пес сожрал колбасу, собственно просто заглотил, и просил новую порцию, хотя и с меньшей настойчивостью.

– Феликс, посмотри на него, – с беспокойством произнесла мама. – Он выглядит как-то... по-другому?

Феликс наклонился и присмотрелся к собаке. Действительно что-то изменилось.

– Он облысел под бородой! – удивленно воскликнул Феликс.

Когда Цабан поднял голову, они увидели белую лысую кожу.

– Как это случилось? – Мама встала и растерянно посмотрела на сына. – У него была такая густая борода.

– Может, он включил какую-то папину бритву, – Феликс задумался на минуту, глядя на Механического Опекуна. – Чесалка вся в шерсти, – заметил он. На расческе было столько собачей шерсти, что люк не мог закрыться. – Он вычесал себе всю шерсть.

– Он сильно скучал, – опечалилась мама, прижимая голову пса к груди.

А Цабан, притиснувшись к маме и Феликсу, в безумном темпе махал обрубок хвоста и выглядел как большое и мохнатое «собачье счастье».

Феликс подошел к аппарату и посмотрел на счетчик.

– Да уж, – он покачал головой. – Две тысячи четыреста пятьдесят одно чесание на протяжении выходных. Нужно будет поставить ограничитель...

7. Вечеринка

Прошла еще одна неделя, наполненная контрольными и проверками. Все чувствовали приближение конца учебного года, все ходили в школу, но учились спустя рукава. Но и в конце года их всех ждала двухдневная школьная экскурсия.

В доме Феликса на улице Сердечной традиционный субботний вечер кино закончился так рано, что даже не заслужил своего названия. Оставалось еще полчаса до начала вечеринки у Аурелии. Мама должна была отвезти ребят и уверяла, что на дорогу хватит десяти минут. Никто, кроме Феликса, в это не верил. Друзья сидели в его комнате. Они играли с электрически управляемым окном и пружиной, спускающейся по ступеням. Нэта очаровала затемнилка, или антифонарик, который затемнял то, на что его направляли, в отличие от настоящего фонаря.

– А это что-то новенькое! – воскликнул он, указывая на маленькую коробочку с красной лампочкой и микрофоном.

– Это безсенсор, – пояснил Феликс, включая аппарат. – Или детектор абсурда. Скажи что-нибудь глупое.

– Эфтипи – гений информатики.

Загорелась красная лампочка, и раздалось тревожное жужжание.

– Папа хотел это проверить на заседании Сейма, – сказал Феликс. – Но устройство слишком чувствительное и включается за сто метров до парламента.

– А это? – Нэт взял в руки что-то, что выглядело как экран от ноутбука со стилусом и несколькими кнопками сбоку.

– Это читалка, – Феликс включил устройство, и на экране появилось приветственное изображение.

– Это просто компьютер без клавиатуры.

– Спроектировано для чтения e-book, то есть электронных книг, но он годится и для других вещей. Распознает почерк, может быть записной книжкой. Ну, можно на нем запустить и обычные программы.

Никю эти изобретения мало интересовали. Она рассматривала книжные полки. Там была исключительно фантастика. На двух верхних полках стояли уложенные по датам журналы «Новая Фантастика», «Science Fiction», «Знание и жизнь», «Мир науки» и парочка других.

– А тот дом, в котором твой папа живет на море, будет свободным на каникулах? – внезапно спросила она.

Нэт отложил читалку и внимательно посмотрел на нее.

– Папа остается там один на весь июль, – ответил Феликс. – Остальные ученые уезжают в отпуск.

– Отпуск! – Нэт покачал головой. – Им не хватает того, что они работают на море? А почему ты спрашиваешь про этот дом?

– У меня нет идей на каникулы, – просто ответила она.

– Ты хочешь туда поехать?

– Мы все могли бы туда поехать.

– Две комнаты будут пустые, – сказал Феликс. – Ну и не надо будет платить, потому что Институт арендовал этот дом на пару месяцев... А почему бы и нет? У меня тоже нет идей на каникулы.

– Я с вами! – решительно заявил Нэт. – Только для проформы должен спросить родиков. Что-то мне кажется, что они предпочли бы сами поехать в Грецию...

Мама закончила разговаривать по мобильному, закрыла ноутбук и крикнула:

– Можем ехать!

Они сбежали по ступенькам, выскочили в коридор и уже сидели в машине. Мама убедилась Цабана, что уезжает только на несколько часов.

– Опоздаем, – шепотом сказал Нэт.

Мама села в машину, завела ее и с визгом шин выехала на дорогу. Друзей вдавило в кресла.

– Ну и... – прошептал Нэт, после чего они с Никой потянулись к ремням безопасности и быстро пристегнулись. А потом сосредоточились на том, чтобы не покалечиться на поворотах. – Интересно, а бомбочки для ванны это выдержат?

Содержимое багажника несколько раз переворачивалось и основательно перемешалось на всех варшавских ухабах, которые они преодолевали по дороге через полгорода.

– Это круче, чем американские горки, – закричал Нэт, когда они были у цели. – А вы можете сделать пончик?

– С передним приводом это сложно, – объяснила мама. – Ну если только задним ходом.

Дом Аурелии был огромным. Он напоминал старый польский особняк, только с пластиковыми окнами, а на крыше вместо черепицы был уложен какой-то красный толь, вырезанный замысловатыми узорами.

Они въехали в открытые ворота и оказались на выложенном розовыми плитами дворе. Мама затормозила так, что все пассажиры повисли на ремнях. Рядом оказался черный «Лексус» папы Аурелии.

Дети быстро поблагодарили женщину и вышли из машины. Они оказались перед портиком, украшенным надписью о годе постройки дома в 1881 году. На ступеньках горели фонарики со свечами.

– Мама, багажник, – сказал Феликс, целуя ее в щеку.

Он обошел машину и вытащил из багажника алюминиевый чемодан. Нэт и Ника посмотрели на него, но ничего не сказали.

– Позвоните, и я за вами приеду, – сказала мама. – Похоже, что вечер у меня будет свободным. Может, поеду в фитнес-клуб... за каких-то двенадцать минут я туда доеду.

Она стартанула с визгом шин.

– Предпочитаю трамвай, – произнесла Ника, глядя, как быстро исчезают вдали красные огни машины.

Нэт повернулся в сторону дома, из которого доносилась не слишком громкая музыка.

– Думаешь, почему она тебя пригласила? – спросил он у Ники. – Она не в восторге от тебя.

– Она знает, что без меня ты бы не пришел, – усмехнулась девочка, откинула рыжие локоны и двинулась в сторону лестницы и стеклянных дверей наверху.

– Не пришел бы? – Нэт наморщил брови. – Раз ты так говоришь...

Они позвонили в двери, которые открылись почти сразу.

– О, пришли, – Аурелия показала в улыбке белые зубки. Она была одета в блестящее светло-розовое плиссированное платье и туфли на высоких каблуках. – Входите.

Феликс и Нэт произнесли какие-то пожелания и поцеловали ее в щеку. Ника заколебалась, но посчитала, что должна вести себя вежливо. Поэтому поздравила Аурелию и вручила ей подарок. Они любезно улыбнулись друг другу.

– Угощайтесь, – сказала Аурелия, откладывая подарок на кучу других коробок. – Кейтеринг, конечно же, из ресторана. Все уже наверху. Только напитки стоят в холодильнике.

Из просторного холла они вошли в зал. Тут царили пастельные цвета, обивка всей мебели была светло-бежевой, а стены кремовыми. Посредине на полу лежал мегапушистый ковер.

Феликс поставил свой чемодан возле стены. На лестнице, что вела на второй этаж, появилась мама Аурелии.

– Родаки дома? – прошептал с удивлением Нэт. – Ну, тогда после вечеринки... Сейчас запустят «Будку Суфлера»⁷...

К счастью, оказалось, что ее родители как раз уходили. Судя по вечернему платью мамы и ее прическе, почти такой же большой, как и сама голова, они отправлялись на какой-то изысканный бал или в оперу. Папа, одетый в черный смокинг, сбегал по ступеням. Он сделал музыку тише и на всех посмотрел таким взглядом, словно был уверен, что через пять минут они начнут крушить мебель и рисовать спреем на стенах. Мама Аурелии поцеловала дочь на прощание, а точнее сказать, чмокнула воздух в пяти сантиметрах от ее лица – не хотела размазать помаду.

– Следи за ковром, – прошипела она, после чего добавила громче: – Знаешь, что он стоил почти двенадцать тысяч.

Они вышли, и через минуту стукнули двери автомобиля.

– Наверное, едут на бал ряженных, – прошептал Нэт, а стоящий рядом Оскар прыснул от смеха, сплевывая салат прямо на ковер.

Аурелия побледнела, оскалилась и протянула в сторону Оскара руки, словно хотела его задушить. Она выдавила из себя неопределенный звук и побежала на кухню. Вернулась через мгновение с тряпкой и всунула ее Оскару. Мальчик тяжело перевел дыхание, наклонился и стал чистить ковер.

– Не выходит, – через минуту сказал он. – Только размазывается...

– Бестолочь... – Аурелия с отчаянием озиралась по комнате.

– У тебя есть пылесос? – спросил Оскар.

– Есть в кладовке, рядом с кухней, – указала она пальцем.

– Какой смысл покупать ковер, которым боишься пользоваться? – шепотом спросила Ника.

Троица друзей обошла комнату, которая оказалась больше школьного класса. Возле огромного окна, что выходило во двор, рядом с низким столиком стояло несколько кресел. Соседнюю стену занимал книжный шкаф. Похоже, тут задумывался библиотечный уголок, но,

⁷ «Бутка Суфлёра» – польская рок-группа, основанная в 1974 году и известная своими рок-балладами (прим. переводчика).

к сожалению, на полках стояло едва ли несколько книжек, которые вблизи оказались элегантной бутафорией. Остальное место занимали скульптурки из красного дерева, имитируя африканское искусство. Тут сидели Зося, застенчивая девочка, похожая на мышку, Куба, Гораций и Ламберт. Друзья поздоровались с ними, старясь не смотреть на Ламберта. Они пошли дальше, ко второй группе кресел, что стояли перед большим телевизором и набором динамиков для домашнего кинозала. Тут сидели Люциан, Виктор и двое парней, которые не учились в их классе. Они смотрели какую-то музыкальную передачу. В этот момент Оскар включил пылесос, а Аурелия добавила звук. Сейчас звук не соответствовал тому, что показывали на экране, но это никому не мешало.

Друзья добрались еще до одной группы кресел, которые вместе с огромным угловым диваном стояли возле камина. После детального осмотра камин оказался электрической имитацией, но очень качественной – от него шло тепло. Посредине большого дивана сидели три незнакомые девочки. Они наблюдали за гостями и, прикрывая рты, шепотом что-то комментировали. Сейчас они обсуждали Нику, которая, конечно же, была в мартенсах и потертой джинсовой куртке. Единственным отклонением от ее стиля была более короткая, чем обычно, и очень обтягивающая юбка. Рядом с камином на маленьком диване сидели Клеменс и Целина. Они разговаривали между собой, не обращая внимания на других. На столике перед ними стоял поднос со сладостями.

Оскар, очевидно, первый раз в жизни пылесосил, потому что воевал с трубой, словно это была лопата. Выглядело это так, будто он хотел перекопать ковер, но, к счастью, ему удалось собрать остатки салата. Он выключил пылесос и перевел дыхание.

– Я не буду его прятать, потому что он точно скоро пригодится, – сказал он и засунул его за одно из кресел.

Аурелия выглянула в окно, словно хотела удостовериться, что родители не вернутся, и побежала на второй этаж.

Широким коридором друзья добрались до столовой, соединенной с кухней и освещенной незаметными галогеновыми лампочками, скрытыми за стенными шкафчиками. Тут стояла Клаудия и еще одна незнакомая девочка, которая выглядела словно клон Клаудии. Даже светлые волосы были уложены в такую же точно прическу. На ней была такая же голубая футболка и юбка до колен. Блестящие перламутром сапожки были куплены в том же самом магазине. Они разговаривали, опершись на мраморную столешницу. Друзья вежливо поздоровались и заглянули в холодильник, чтобы взять сок.

Когда они вернулись в зал, Аурелия появилась на вершине лестницы. Сейчас она была одета в темные джинсы до лодыжек, черные туфельки на очень высоком каблуке, цветную блузочку и в блестящий с искусственными кристалликами пояс.

– Офигеть... – прошептал Нэт.

Услышав это, Люциан обернулся и присвистнул. Виктор, Оскар и двое незнакомых парней захлопали в ладоши. Аурелия, с выражением лица Николь Кидман на красной дорожке при вручении Оскара, кокетливым шагом спустилась по ступеням и объявила:

– Можем уже приглушить свет.

Погасла люстра, и вместо нее зажглись бра и настольные лампы. Атмосфера стала более интимной.

– Хороший домик, – Нэт оглядел совершенно преобразившуюся комнату.

– Ты так думаешь? – шепотом спросил Ника. – И ее отец всего лишь фотограф? Сорвал столетнюю половую доску и вместо нее уложил древоподобные панели. Вставил пластиковые окна. А старые двери и ручки поменял на новые.

– Это плохо? – осторожно спросил Нэт.

Ника надула щеки.

– Электрический камин – это уже перебор... – Нэт попробовал сохранить лицо, – но посмотри, как классно установили диваны...

– Дизайнер интерьеров им это сделал, – любезно пояснила Ника. – Выбрал цвет стен, шторы и поставил все двенадцать бутафорных книг в том книжном шкафу.

– Ты ворчишь как старуха. Попробуем хотя бы поесть.

– Надеюсь, что на бутербродах не будет ценника, – буркнула Ника.

На столиках стояли подносы с бутербродами, мисочки с орешками и чипсами, а также тарелки с канапе на шпажках. Следующие пятнадцать минут они провели за тем, что пробовали по очереди все закуски. Потом кто-то сделал музыку громче, а кто-то предложил:

– Давайте танцевать.

– Я ходил на курсы английского вальса... – сказал Гораций, но настолько тихо, что никто не обратил на него внимания. А если подумать, то так было даже лучше.

– Поставь хип-хоп.

– Техно лучше! «Members of Mayday» или «Chemical Brothers».

– У тебя есть «Daft Punk»?

– Я хочу Гвен Стефани...

– Эминем!

– «System of a Down»!

– «Procesor Plus»!

Споры продолжались бы и дальше, если бы не Люциан, который просто взял первый попавшийся диск и включил его. Музыка, к счастью, оказалась пригодной для танцев. Три девочки, которые все время сидели возле камина, сорвались с места, вышли на середину салона и стали подергиваться в такт музыке. Клаудия вместе со своим двойником и все мальчишки перед телевизором быстро присоединились к ним.

– Принес... это? – спросила Аурелия, наклонившись к Феликсу.

Он кивнул и пошел в холл. Вернулся через мгновение с алюминиевым чемоданчиком. В середине, вдавленные в пенную подкладку, лежали два прожектора с креплениями типа клипсы и черный блок управления с ручками и несколькими кнопками. Феликс вытащил прожекторы, прикрепил их к столешнице, на которой стоял гигантский телевизор, и направил их в потолок. Салон наполнился призрачными вспышками. Танцующие фигуры выглядели так, словно кто-то делал фотографию со вспышкой с полусекундным интервалом. Феликс подрегулировал частоту вспышек под перкуссию в музыкальном произведении и поднялся.

– Стробоскоп, – объяснил он друзьям. – Жаль только, что я не умею танцевать.

– Это просто, – беспечным голосом ответил Нэт, уже кивая в ритм музыки. – У каждого это в генах. Ты должен просто... выгибаться...

– Я даже не знаю, как пригласить девочку на танец...

– С ума сошел?! – крикнул ему Нэт. – Никого ты не должен приглашать! Двадцать первый век! Выходи на середину и начинай подскакивать.

Люциан прибавил звук до половины шкалы, и стало так громко, что зазвенели стаканы на кухне. Аурелия подскочила к аппаратуре и сделала звук тише, но все равно приходилось кричать, чтобы поговорить.

– Как... подскакивать? – спросил Феликс.

– Обычно подскакивать, чтобы попадать в ритм. Другое не считается. Потом начинаешь подпрыгивать – лучше всего в сторону какой-нибудь девочки. Когда она тоже начнет подпрыгивать в твою сторону, это означает, что вы танцуете вместе. Усек?

– Тогда я лучше съем салатик, – ответил Феликс и сел на диван.

Нэт махнул рукой и исчез в мигающем клубке в середине зала. Ника оказалась там через минуту.

Феликс доел салат, допил сок и огляделся. Клеменс и Целина сидели и разговаривали, склонившись друг к другу. Зося, Гораций, Куба и Ламберт сидели в углу и глазели на танцующих. Феликс покрутил в пальцах стакан, потом встал и пошел на кухню. Он налил сок и посмотрел в окно. Было совсем темно. В свете слабых фонарей, что окружали лужайку, он разглядел низкие деревья и беседку. Сад был больше, чем у них, но какой-то слишком ухоженный.

Внезапно ему показалось, что что-то промелькнуло в самом конце, за беседкой. Он отставил стакан и приблизился к стеклу. Феликс разглядел невыразительную тень на фоне шевелящейся на ветру листвы. Он поискал рукой выключатель и погасил лампочки под шкафчиками, однако ему мешал свет стробоскопа. Он всматривался в ночь, пытаясь различить или хотя бы удостовериться, действительно ли там что-то есть. Вспыхнул яркий свет, и в кухню, разгоряченные, ворвались Люциан, Ника и Виктор.

– Ты чего в темноте сидишь? – удивленно спросил Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.